

АЛЕКСАНДР ЕЛИЗАРЭ

РЯДОВОЙ для АФГАНИСТАНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Елизарэ

Рядовой для Афганистана – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42629269

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-10131-9

Аннотация

Второй роман трилогии «Рядовой для Афганистана» под названием – «Афганский плов».

С первых минут вы погружаетесь в тайный и почти волшебный мир древнего Кабула. Молодой моджахед не смог убить русского солдата в центре Кабула, почему, что помешало ему?

Юноша Бахтияр и его дед Самандар пропускают через себя кремешную боль и трагедию Афганского народа, а его отец каждый день ходит по краю пропасти. Душман становится философом.

События не являются плодом воображения автора, но имели место быть.

Оформление обложки – фото автора.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть I. Пережить август в Кабуле	8
Глава I. В древнем городе	8
Глава II. Модуль десантной роты	15
Глава III. Старик Самандар и Ахмед	44
Глава IV. Патруль по Кабулу	57
Глава V. Ночь в городе	78
Глава VI. Младший сын Самандара	85
Глава VII. Вспоминая Прагу	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Александр Елизарэ

Рядовой для

Афганистана – 2

Моя миссия в Афганистане была ничем иным, как экспериментальным насилием над самим собой. Как участием идущего на заклатие отважного барашка, надеющегося на чудесное спасение и долгую жизнь после побега от ножа мясника. Бородатый мясник давно ждал моего появления, но, парадоксально, не спешил с приготовлением афганского плова. Плова, в котором в равных пропорциях были перемешаны: рис, фрукты, зелень, мясо, интриги и кровная месть...

Пролог

26 апреля 1985 года, серебристый гражданский самолет ТУ-134 приземлился в международном аэропорту столицы Афганистана, солнечном городе Кабуле. Я и мои товарищи осторожно ступили наконец-то на таинственную Афганскую землю.

Наконец-то, ведь уже без малого пять лет, мы знали, что это каменистая поверхность ждет нас. Мы чувствовали ее своим подсознанием и не могли физически избежать встречи с ней. Она с радостью принимала нас всех, не зная, что будет с нами.

На наших физических телах не было космических скафандров и кислородных ранцев за спинами, мы не покидали нашу планету Земля. Здесь был такой же воздух. А над нашими головами светила все та же, знакомая с детства золотая звезда, по прозвищу – Солнце.

Единственное, что мне сразу бросилось в глаза, это огромное число белых голубей, снующих весело под нашими ногами и зеленые вертолеты с красными звездами на бортах, барражирующие в голубом небе, словно огромные титановые стрекозы. Тем не менее, мы попали в загадочную и заколдованную страну, где, как и тысячу лет назад правили халифы, шейхи, султаны, эмиры и ханы. Здесь было жарко, словно на морском курорте где-нибудь в Африке, но оказа-

лось, напротив, здесь вода на вес золота.

Кто-то из султанов или шейхов позвал нас в гости, чтобы построить в Афганистане свой восточный социализм. Но зачем султану или шейху социализм?

Мы прилетели в Афганистан, чтобы убивать одних по приказу других, и стать силой добра и справедливости в столице? А может быть, чтобы афганские девушки-студентки бросали букеты роз на борта наших боевых машин? Этого мы не знали. Мы очарованные путешественники во времени и пространстве, несущие на своих маленьких крыльях, бредовые идеи о вселенском мире. Кончим на этом бесплодные юношеские размышления, мы покидаем воздушный корабль и ступаем на чужую землю.

Десантный полковник огромного роста встречает нас внизу у трапа серебристого самолета и каждому прибывшему новобранцу крепко жмет правую руку, приговаривая:

– Поздравляю, гвардеец! Поздравляю с прибытием! Поздравляю, боец... – повторяет он эти монотонные фразы, словно старинную индийскую мантру.

Мы строимся у самолета в колонну «по три» и шагаем за нашими командирами в расположение воздушно-десантной дивизии.

Местные пацаны машут нам руками, бросают в наш строй маленькие камешки и предлагают наперебой какой-то «чарлик» и еще «нос». Веселые они ребята, я думаю, мы с ними скоро подружмся.

Вечная горная пыль поглощает наши очертания, оставляя за нами только образы наших детских воспоминаний. Многие из нас уже мечтали о алых розах на бортах боевых машин, но далеко не каждый из нас думал и о своей смерти в черных горах.

Часть I. Пережить август в Кабуле

Глава I. В древнем городе

В августе 1985 года в Кабуле стояли жаркие и солнечные дни. Над огромным глинобитным городом, утопающим в зелени фруктовых садов, поднимались, словно белые птицы – воздушные лайнеры и несли пассажиров в различные уголки света. На площади, напротив мечети Ид-Гах, и перед древним Королевским дворцом тысяча белых и сизых голубей мурлыкали и гуляли среди стариков и детей.

Мусульмане, страждущие увидеть ботаническое чудо направлялись в райские сады Баги-Бабура, основателя империи Великих Моголов. Это был фантастический по красоте парк, населенный фруктовыми деревьями со всего света, порой невиданными для жителей горного Афганистана и описанный, пожалуй, достоверно в сказках о «Маленьком Муке».

Смуглый и худощавый подросток – афганец, лет четырнадцати, направлялся домой от городского продовольственного рынка. За ним следовал его закадычный друг, мальчик лет десяти или двенадцати. Старший толкал впереди себя небольшую телегу, на которой лежали два мешка с сыпучими крупами и мешочек поменьше с сахаром.

Лицо юного горожанина излучало счастье и умиротворение, хотя на его глазах иногда наворачивались слезы от непонятной обиды или злобы. Мальчик превращался в юношу и уже имел легкий темный пух на подбородке и на усах.

На конце одной зеленой улицы младший мальчик что-то крикнул своему другу и побежал в бедное одноэтажное строение, служившее домом его отцу, матери, трем братьям и двум сестрам.

Старший помахал ему рукой и, не оборачиваясь, продолжил свой путь. Он не заметил, как одинокая женская фигура следовала за ним до конца его пути. Через пятнадцать минут мальчик поставил тележку на металлическую подножку и приоткрыл кованую калитку старого сада, в глубине которого можно было различить очертания двухэтажного жилого дома белого цвета. По саду ходили домашние птицы: курицы, куропатки и даже пара гусей, а на ветках сидели влюбленные горлицы. Все было, как всегда.

Женщина в темном платке пристально наблюдала за ним, но потом наклонила голову и тихо отправилась в обратный путь.

Мальчик, словно молодой кот радостно и шумно запрыгнул в знакомый сад.

– Малала! Красавица! Я хочу пирог с изюмом и финиками, сестра, ты слышишь своего младшего брата!? Эй! Девчонка! Ты спряталась? Отзовись! Ну, если я сейчас найду тебя, ты узнаешь Бахтияра...

Подросток закатил тележку в сад и закрыл за собой калитку на надежный, но совсем старый и ржавый потайной крючок.

– Дедушка, где моя сестра? Дедушка Самандар, где ты сам? Малала, где же ты? – крикнул подросток и вытер глаза от случайных слез.

Мальчик увидел родного деда, сидящим под старой развесистой чинарой, и радостно выдохнул. Дедушка достал из коробки свою коллекцию фигурок нэцкэ и с удовольствием протирал каждую из них мягкой хлопковой тряпочкой. На глазах у пожилого, но еще не старого мужчины стояли крупные слезы.

– Ты почему плачешь? – серьезно спросил мальчик, присел рядом с дедом и обнял его.

– Тебе показалось, внучек, вот, изучаю своих друзей. Какие они счастливые. Что-то я слаб сегодня или солнце разморило меня.

– Нет, ты плакал мой родной?.. – настаивал парень.

– Вспомнил твоего отца, моего сына Гатола...

– Ты думаешь, что мой папа погиб?.. – удивился подросток.

– Не знаю, мой дорогой Бахтияр, лишь бы ты у меня не пропал... – Старик нежно гладил внука по темненькой голове. – Ты у меня такой красивый и умный юноша.

– А моя сестра? Разве ты не говорил, что она для тебя самая любимая внучка? Где Малала, дедушка? Ты плакал по

ней? Ее убили проклятые шурави?.. Или душманы приходили и взяли ее к себе в горы? Нет!.. Нет?.. Скажи, скорее...

– Я плакал от радости, что наша Малала улетела...

– Куда, дедушка? Куда она могла улететь? Ты в своем уме?

– Тише, Бахтияр, ты умеешь хранить тайны?

Дед обнял мальчугана за плечи и всмотрелся в глаза любимого внука.

– Еще бы! Я сама скала в ущелье Панджшер! – со страхом, что дед сходит с ума ответил подросток.

– Давай пообедаем, я потом я тебе все расскажу! Она села сегодня в самолет...

– Ладно, а меня сегодня обманул толстый шурави! Десантник, жадный солдат, я хотел плюнуть ему в лицо, но побоялся... – с досадой рассказал парень.

– Я же просил тебя не подходить к советским солдатам в Кабуле, а вдруг тот, к кому ты подойдешь, вчера в горах потерял друга или командира? Они все злые, их держат в Афганистане силой и не разрешают улететь по домам. Понимаешь, их заставляют воевать!? Не подходи больше к шурави! Они как «шурале»! Говорят, их привезли из *Урале*! Ты понял меня?..

– Понял, не сердись, а кто такие «шурале», – засмеялся Бахтияр.

– Нечистый дух леса, шайтан и колдун! – строго сказал дед.

– Э-э! Это сказки для маленьких, – захохотал парень.

– Живут эти «шурале» в горных лесах, называются те горы – *Урале*, вот так! Поэтому многих шурави защищают духи тех гор. И ничего смешного, мой дорогой внук!

– Я знаю, дедушка... Еще я слышал, что кто-то из ребят, на прошлой неделе, кинул в русского часового гранату и ранил одного солдата! Сами дети едва унесли ноги! Второй часовой начал стрелять, но увидел, что это бачата, стрелял вверх, в воздух. Но им было все равно страшно. Им сказали кинуть гранату в солдата-десантника...

– Кто же это им сказал?

– Кто? Ясно кто, приказали им душманы! У того мальчика – старший брат опытный моджахед, – шепотом рассказал Бахтияр.

– О! Аллах! Не ходи к колючей проволоке, Бахтияр! Я заклиная тебя! Беги подальше от шурави! Кто мне потом вернет тебя? Даже если позже я отомщу за тебя? Прикажешь и мне идти в моджахеды? Я не пошел ради вас – моих внуков! Понимаешь меня?

– Я тебя понял, дедушка, я только обменял у того солдата пакистанские джинсы на целый блок хороших русских сигарет «Тройка», такие красивые! Потом продал его и вот принес домой мешок муки и полмешка отборного риса! Немного сахара и сушеных груш. Своих друзей я угостил сушеным инжиром. За обычные джинсы, представляешь?! Солдат думает, что они из Америки, глупый шурави!

– Отчего же ты хотел плюнуть толстому солдату в лицо?

Обмен ведь состоялся? Ты все равно остался в выигрыше, — нахмурился дед.

— Он обещал мне два блока, но обманул меня, забрал еще и кроссовки, — рассмеялся подросток.

— Э-э! Какой же ты, Бахтияр! Значит, ты хотел надуть его? Никогда больше не жадничай, я же учил тебя, мой внук. Держи лепешку и сыр, ешь, ешь...

— Вкусно, дорогой дедушка.

— Теперь запивай апельсиновым соком, я специально только что надавил его для тебя...

— А в садах Бабура мы видели мальчиков, у которых не хватало рук и ног. Дедушка, а что хуже, когда нет рук или ног?

— Когда нет головы вдвойне плохо! Аллах помилуй! Как же вы их видели? Они, что, просили милостыню, эти бедные дети? — прослезился дед.

— Нет, они были с учительницей, они школьники и пионеры, а их отцы погибли за Апрельскую революцию в горах! В боях с душманами...

— Что ты говоришь, мой внучек, — заплакал дед, — не надо говорить больше об этом...

— Не плачь! Эти мальчишки не плакали, хоть и подорвались на минах! Один из них сказал, что скоро они все улетят в Советский Союз, где им сделают отличные протезы... И еще они увидят Черное море! Этому мальчику тринадцать лет! Он герой... У него есть медаль от Бабрака Кармаля...

– Бедные дети, – проговорил старик и вытер глаза белоснежным платком.

– Деда? Я все хочу тебя спросить, что будет с нами, когда шурави улетят в свой Союз, в Москву, в холодные горы? Ведь придут моджахеды, узнают, что мой отец служил в ХАД... Что с нами будет?

– Никогда, никому не говори, про своего отца! Ты слышишь? Ты уже должен понимать, – прошептал дедушка.

– А мой дядя Абдулахад, моджахед?.. – прошептал Бахтияр.

– Тихо, никому ничего не говори. Если хочешь что-то рассказать, можешь говорить только про меня, своего деда... Абдулахад болен, шайтан вселился в его мозг и отравляет его сознание! Он вылечится...

Бахтияр так и не рассказал своему дедушке, что русский солдат не обманул его, а все же бросил под ноги второй блок сигарет «Тройка», который Бахтияр отдал своему маленькому другу Халику.

Глава II. Модуль десантной роты

Поздний вечер. Окраина Кабула, рядом с микрорайоном – Теплый стан. Городок 103-ей Витебской воздушно-десантной дивизии – «Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане». Модуль второй гвардейской роты отдельного парашютно-десантного батальона связи.

Солдаты и сержанты роты занимаются атлетизмом, на солдатском жаргоне качают свои «банки» траками. В это время в кубрик роты зашли офицеры батальона и внимательно осмотрели занимающихся спортом солдат. Среди офицеров был один не из батальона связи. Немного понаблюдав за рядовыми и сержантами, офицеры вышли из кубрика.

– Ну что, капитан? Есть ли среди занимающихся в казарме те двое солдат, которые мужественно охраняли сегодня мост? – тихо спросил командира роты молодой высокий подполковник.

– Так это, в кубрике все, кто был сегодня на охране Кабула, все двенадцать солдат и сержантов. Среди них и те двое – Сердюков и Одуванчиков – оба рядовые... Один «старик», а второй совсем еще «молодой»...

– Прекрасно, а где можно поговорить с ними? – вкрадчиво спросил подполковник.

– Можно в моем кубре, а можно в каптерке у старшины... – судорожно ответил гвардии капитан Колывань.

– В кубре? Это что? – не понял подполковник, слегка похожий на молодого Лаврентия Берию.

– В кубре – в кубрике, значит. У нас тут кубрики. Как на флоте... – улыбнулся командир роты.

– В каптерке у старшины роты будет лучше... – осторожно ответил подполковник. – А где же сам старшина?

– Он это... того, бегают, вечерний кросс, видимо, – быстро ответил «папа» ротный.

– Вы даже не знаете, где ваш старшина? – сухо спросил подполковник и уставился в других офицеров, стоявших рядом.

– Так это... Он ведь старший прапорщик, замену уже ждет! Его срок пребывания в Афганистане почти истек!..

– Почти!? А если он сейчас, так сказать, под покровом ночи словесно общается с врагами? С душманскими шпионами?

– Да, ну что вы... Сейчас мы найдем его! – громко ответил ротный.

– А что? Вы разве не знаете, сколько обмундирования и боеприпасов продают вот такие прапорщики?

– Не знаю... – ответил ротный и опустил взгляд в пол.

– В темное время суток все должны быть в казарме! Не только солдаты и сержанты, но и офицеры и особенно прапорщики! Детский сад!

– Так точно! Накажу! – сурово ответил «папа», который был лет на десять старше подполковника.

Рядом с ротным стоял гвардии старший лейтенант Семенов и гвардии капитан Сычев. Они оба были настроены мрачно, ведь перед ними стоял самый настоящий следователь из особого отдела «Сороковой Армии».

– Вызовите ко мне вначале молодого солдата, а потом уже и этого, рядового Сердюкова. Как его?.. – оскалился особист.

– Рядовой Одуванчиков! Александр Одуванчиков, комсомольский активист роты! – выпалил гвардии старший лейтенант Семенов.

– Пока взвода, – сухо уточнил гвардии капитан Сычев.

– Хорошо... – ответил особист.

Особист вошел в каптерку старшины роты и слегка прикрыл за собой дверь.

Ротный прошел в кубрик и быстро подозвал к себе Одуванчикова и Сердюкова.

– Ну что, гаврики! Чего натворили, герои? По ваши души приехал из штаба армии офицер контрик! Уроды, медь! Если чего наделали, он вас быстро арестует! Так что молчите! Ясно? А ты, Сердюков, видно долго дембеля у меня не увидишь! Красавчик! – злобно бросил ротный и указал Лёнке направление на каптерку.

– А че? Я не чо? Мне то чо, все по хрену!.. – безразлично ответил Лёныша, одел тельняшку, заправился и вразвалочку отправился в каптерку старшины.

Подполковник, лет тридцати пяти, холеный, коротко подстриженный и до синевы выбритый офицер в очках, сидел на

ящиках с оборонительными гранатами в центре каптерки и что-то рисовал простым карандашом в тонкой ученической тетрадке. В дверь постучали.

– Да! Войдите, конечно, – мягко произнес офицер и снял с носа очки с круглыми линзами.

– Гвардии рядовой «дед» ВДВ Сердюков явился! Приказа вроде бы не было, «папа» просто сказал пройти! – смело отчеканил Лёня.

– Очумели вы чтоли здесь? «Папа»... «вроде бы»... «явился»... Ходите все в развалку! Что здесь происходит? – злобно удивился подполковник и потер ногтями лоб.

– Ничего не происходит, просто службу тащим мы в Афгане! Дальше еще не придумал... Песня будет!

– На черта мне ваши песни!? Ты что солдат, Лермонтов чтоли? – подпрыгнул подполковник, не понимая тона солдата.

– А вы сколько в Афганистане, разрешите узнать? – хмуро и невозмутимо спросил Сердюков.

– Немного! Товарищ солдат, это вы сегодня охраняли мост и проявили завидное мужество при его обороне?

– А как мне к вам обращаться... – неторопливо спросил десантный «дед».

– Подполковник Кочергин, из особого отдела армии.

– Отлично! Мы охраняли мост! Я и молодой солдат Одуванчиков! Славно шуганули мы этих «духов»! – рассмеялся Сердюков. – По медальке бы нам! Вроде как положено по

совокупности боевых выходов?

– Шуганули, это как? – нахмурился особист.

– Короче, они, то есть «духи», хотели захватить мост через высохшую речку. У нас был приказ – мост держать! Одуванчиков держал их на мушке автомата, а я тем временем достал свою «базуку», зарядил в нее осколочно-фугасную гранату и взял моджахедов на мушку. Они, видимо, не ожидали такого горячего приема, подумали малеха и ушли! Вот и все...

– Базука, это РПГ–7?

– Ну да, он и есть, – улыбнулся Леонид.

– Вы служите в роте связистов переносных радиостанций, откуда же тогда знаете, как обращаться с РПГ–7?

– А что там знать, «папа» Сазон показал раз, я и научился. А по службе, я радиотелеграфист первого класса! – не без гордости закончил Лёня.

– Сазон?.. Это кто – Сазон?

– Командир нашей роты майор Сазонов, недавно улетел в Союз! Был здесь четыре года! Награжден по ранению орденом «Красной звезды» и медалью «За отвагу»! На его должность пришел капитан Колывань. Пока ничем не награжден, но если будет стараться...

– Хватит валять дурака, солдат Сердюков!

– Есть! – громко крикнул Лёня и злобно улыбнулся.

– Так, о чем я?.. А, мост!.. Ну, так за это орден вам и молодому солдату положено давать?.. – обронил и удивился сам

себе Кочергин.

– Кому может и положен! Хотя у меня уже есть один! – усмехнулся Лёня.

– О! Какой орден у вас? Неужели «Красной звезды»?

– Ну да! Только ведь он чугунный и с закруткой на спине!

– Что? Издеваешься?

– Никак нет! – товарищ подпол...

– Пошел вон, солдат! – вскрикнул особист и сломал пальцами свой карандаш.

– Есть, идти вон! Значит снова без медальки...

– Стоять, рядовой!

– Я! Стою значит... – улыбнулся Лёня.

– Сколько боевых операций? Сколько вы раз были на боевых?

– Я не считал, вернее в первый год считал, насчитал не меньше пятнадцати. А второй год и не считал вовсе...

– Вот это да! А ротный сказал, что вы залетчик? Нарушитель дисциплины, не исполнительный солдат? – спросил контрразведчик удивленно.

– Я залетчик? Ха, ну, ротному, оно видней... Разрешите мне идти, дело ко сну, устал я немного, денек тяжелый был.

– Значит, медалей и орденов не имеете?

– Вы что, шутите, товарищ подполковник? *Откель* у нас медали? – усмехнулся старый солдат и сладко зевнул.

– Конечно. Отдыхайте! – выдохнул подполковник и посмотрел в глаза солдату.

Сердюков быстро покинул каптерку и довольный собой вернулся в кубрик роты. Уселся на табурет и принялся читать новый номер «Красной звезды».

– Капитан Колывань, ко мне! – в бешенстве заорал Кочергин.

– Я! Что случилось... Сердюков чтоли чего?..

– Что случилось? Что случилось! Ничего, пока! Почему «старого» ко мне послали, а где тот – молодой?

– Сейчас, а вот и он! Поссать бегал! – ответил ротный и, немедленно, исчез в неизвестном направлении.

В это время, я вошел в каптерку...

– Гвардии рядовой второй десантной роты – Одуванчиков! По вашему приказанию...

– Я подполковник Кочергин из особого отдела армии! Берите табурет, присаживайтесь, рядовой, – хитро предложил особист.

– Спасибо! Я пешком, в общем, постою.

– Фу! Вы что здесь, все комедианты?

– Ни как нет! Хотя без юмора тяжело приходится... Развлечений-то других нет, вот и шутим, как умеем... Хотя иногда концерт в дивизию приедет или кино привезут, но это если повезет и солдат не в наряде или боевом охранении...

– Ладно, как служба, солдатик?

– Не бьют, службой доволен, сыт и одет! Письма из дома получаю регулярно! – отчеканил я.

– Ты, боец, охранял сегодня мост?

– Так точно, мне понравилось! Было тепло...

– До появления душманов к вам подходили бачата, местные мальчишки?

– Не помню...

– Так было? – нахмурился особист.

– Бачата?.. А, вспомнил! Двое пацанов. Так точно, просили бакшиш! Я им дал что-то типа... а, отдал банку каши с тушенкой и пачку солдатских галет. Но они продуманные, им наши солдатские не нужны им офицерские подавай!

– А Сердюков? – спросил подполковник, глядя в мои глаза.

– Сердюков? А, Леонид, он сказал, чтобы я больше с ними не разговаривал! Он строгий «дед»! – отчеканил я. – Он с ними не базарил, только мост охранял и вовремя группу местных мужиков увидел! Он стена!

– Где научились так складно врать, рядовой! Хотите под арест? В яму?

– Врать? Ни как нет! Смысл мне врать? Арест, можно, ой разрешите поинтересоваться, за что?..

– Теперь, значит, вы мне решили вопросы задавать? – засмеялся Кочергин.

– Вам вопросы? Нет, у меня нет к вам вопросов, товарищ подполковник! Я же вас впервые вижу, в натуре...

– Ладно, черт с вами, после душманов к вам снова подходили подростки, те же? Что предлагали купить?..

– Подростки?.. А, да, подходили, вроде. Хотели нам джин-

сы и кроссовки продать!

– А вы?.. Что вы сделали?.. – оживился контрразведчик.

– А! А мы, что?.. Так у Сердюкова денег нет, у меня тоже. Мы их и послали... Лично я в штанах не разбираюсь. Вообще откуда у нас – рядовых, деньги? Нам ведь не платят, совсем... Вы не знали?..

– Помолчите, я вас не об этом спрашиваю!

– Так точно, товарищ подполковник... Согласен, не о чем тут говорить! – заткнулся я и вытянулся по стойке «смирно».

– Сердюков, возможно, стал меняться, или покупать что-либо?..

– Вы что? Это строго запрещено! – крикнул я на всю каптерку.

– В морду хотите, товарищ солдат? Чего орете, как резанный? – взревел Кочергин.

– А нам хоть по морде, хоть в морду, хоть по шее, хоть в ухо – все едино, товарищ гвардии подполковник!

– Я не в гвардии! Ты что? Ничего не боишься, солдат? – подполковник приблизился вплотную к моему носу своим подбородком.

– Никого не боюсь, ведь я в десанте! – издевательски громко крикнул я. – Готов разорвать себя гранатой в случае окружения душманами!..

– Разорвать себя?.. Ты что несешь?.. Ладно!

– Так точно! – машинально ответил я.

– Такой шустрый? Послушай, так значит, ты радист?

– Так точно!

– Могу предложить тебе должность радиста в разведке ГРУ. А через полгодика отправим тебя в специальную школу. В Союз, в Москву.

– Ого!..

– Перспектива, ну как?.. Что молчите, рядовой?..

Я даже не хотел размышлять над словами странного подполковника. Тем более, я строго усвоил слова майора Падалко перед моей отправкой в Афган: «Запомни, Шурик, если хочешь остаться в живых, никуда не лезь. Служи в родном батальоне связи. Мы вас туда готовим, все остальное – слава и смерть...»

– Приключений мне хватает, коллектив – родной! Задачи батальона мне понятны и ясны! Эксперименты на войне чреваты последствиями...

– Ага, значит, сдрейфил? – рассмеялся Кочергин.

– Никак нет!..

Наверное, на две минуты в каптерке наступила мертвая тишина. Подполковник внимательно осматривал меня, прохаживаясь по каптерке, а я рассматривал мух, летающих вокруг потолочного вентилятора. Мухи были жирные и игристые. Иногда они садились на липкую ленту и оставались на ней навсегда. «Экспериментируют...», – подумал я и улыбнулся.

– Отлично! Пошел вон, щенок! Старшину там найдите!

– Есть идти вон! – гаркнул я и развернулся лицом к вы-

ходу.

«Ни хрена себе, ГРУ?.. Вы там *ча*, со всеми солдатами так разговариваете?.. А мне это на хрена?..» – подумал я.

Что на меня нашло, юмор и дерзость так и сыпались из моего рта. Чеканя шаг, я вылетел из каптерки старшины второй роты. Сам старшина – старший прапорщик Гаврюшов – уже ожидал вызова на центральном проходе модуля.

– Ну, что-что-что т-там, Одуванчик? – с опаской и сильно заикаясь, спросил наш грозный прапорщик.

– Вас звали! Пожалуйста!

– Че-черт! – прошептал Гаврюшов.

Прапорщик заискивающе вошел в каптерку. Подполковник ходил вокруг висевшей посередине комнаты боксерской груши и чесал свои горячие и красные уши.

– А, вот и прапорщик? Да? – хищно спросил особист.

– Та-та-так! То-то-чно! *Пра-пра-пра-прыщик* Гав-врю-врю-шов!

– Б-р, вы что, контуженный? – удивился особист.

– Угу! Было... Контузия у меня...

– Отдыхайте... У меня к вам вопросов нет, в принципе...

– Спа-спа-сибо!

– А где ваш ротный, капитан Колывань?

– В ш-ш-таб на-на-верно у-у-шел! – с трудом выговорил Гаврюшов.

– Ясно...

Подполковник нагнулся, чтобы не зацепить головой косяк

двери и быстро вышел из каптерки. В коридоре он на мгновение остановился у нашей новенькой ротной газеты, висевшей на стене рядом с кабинетом замполита батальона – «На боевом посту вторая парашютно-десантная!» – и всмотрелся в карандашные рисунки и статьи, под которыми было написано: «Рисунки и статьи на первой полосе – гвардии рядового *Одуванчика*, статья на второй полосе – гвардии рядового *Сердюка*». Первая статья красноречиво называлась: «Спишь на посту часовой? Душман придет – роту вырежет!» Вторая статья – «Бей чужих, чтобы свои боялись!» – рассказывала о происшествии на военном аэродроме Кабула, когда наша рота побилла улетающих в Союз дембелей из охраны аэропорта, надевших на свои уставные головы десантные береты, а на хилые тела десантурские тельники; статья была как-бы само-разоблачительная, но с юмором и сатирой на первом месте...

Подполковник мухой вылетел из модуля второй десантной роты связи. Больше в батальоне этого офицера никто не видел.

Когда наша рота горланила десантурские песни, во время вечерней прогулки на плацу батальона, капитан Колывань тихонько сзади подошел к дежурному по роте, младшему сержанту Петрову, и прошептал:

– А ну как, брат «Каманчи», открой-ка мне оружейку, живо!

– Е-есть! Товарищ капи...

– Да не ори, тунгус, – рассмеялся ротный командир.

– Есть! – опять гаркнул Петя. – Что смотреть будете?

– Гранатомет рядового Сердюкова на месте, «духам» не продал на мосту?

– Конечно здесь, вот он, родной! – улыбнулся Петя и открыл деревянный шкаф, где стоял протертый и блестящий, словно самовар, единственный гранатомет второй роты связи.

«Папа» взял его в руки, начал крутить и изучать все его крючки и подвесы. Потом словно оторопел и опустил руки. Лицо его покрылось холодным потом.

– Петро! Сукин кот! Ты что, дурак? Ладно, Сердюков дурында, а ты?

– Так точно, а что случилось, товарищ гвардии капитан?

– Смотри, курок вывернут, а здесь вмятина! Гранатомет неисправен, уроды, блин! Вы что им делали?

– Им орехи грецкие разбивали мои «деды»! Раз по куче и готово! Год назад!.. На нижнем Панджшере... Видно они и уколошили РПГ! Ха!

– Молодцы! Повесь на него бирку – «неисправен». Завтра пусть старшина Гаврюшов отнесет его майору по вооружению. И это... новый нам даром не надо! У нас в штатном расписании нет гранатометчика. Усек, Чингачкук?

«Папа» заржал во весь рот и отправился в свой кубрик, что-то ворча в усы про Лёню Сердюкова и молодого Одуванчикова.

После отбоя Лёня и я рассказывали роте о происшествии на мосту и про беседу с особистом. «Деды», «черпаки» и «слоны» держались за животы, умирая со смеху. В половине двенадцатого ночи идиллию нарушил старший прапорщик Гаврюшов, ворвавшийся в солдатский кубрик с криком боевого Гурона:

– Рота! Поче-му-му не с-с-пи-им?

В общем-то, это и был настоящий Гурон, только без перьев на бритом затылке и без боевого топора.

– О-ду-дуван, Сер-сердюк! Оде-дева-вайтесь и живо ко-ко мне в кап-каптерку! – заикаясь, проревел «краснокожий дикарь».

– Ну, пошли, Одуванчик, похоже, сейчас нас будут уже того, иметь! – грустно сказал Лёня и передернулся, словно нервный ребенок, вспомнивший про жестокого отца.

– Ну и хрен с ним! – бодро ответил я и спрыгнул со своего второго яруса. – Я живым не дамся... если он начнет бить, конечно...

Лёня одевался неспешно, долго завязывал шнурки на ботинках. «Дед» явно тянул время. Он посматривал на меня грустными глазами и о чем-то размышлял.

– Одуванчик, это, слышь, ты мне друг?.. – тихо спросил Лёня.

– Конечно! Самый настоящий! – негромко ответил я.

– Старшине не скажешь?..

– Ничего! Пусть даже не мечтает! С какого перепугу?.. –

звонко ответил я и расплылся в циничной улыбке.

– Дать бы тебе в морду, Одуванчик, – усмехнулся мой добрый «дед».

– За что, Лёня? – не понял я.

– Да, я просто подумал, если бы я был нашим прапорщиком, наверно так бы подумал, – рассмеялся Лёньша.

– Ну *ча*, *нашли чо* ли? – брызнул я.

– *Ча* встали, та-тараканы бе-беременные? А?.. Зассали? Живо в каптерку! *Очкуны* духовские... – заорал прапорщик, появившийся словно черт из табакерки.

– *Ча* бояться-то? Неужто бить будете, ваше благородие? – вдруг крикнул я на всю казарму.

Эта реплика молодого борзого солдата в адрес Гориллы едва не подкосила отважного прапорщика десантной роты парашютистов «экспедиционного корпуса». Никогда раньше за всю свою яростную и борзую десантную службу, отличавшуюся показательным мордобоем всех поколений солдат и сержантов, старший прапорщик не получал таких качественных и смелых моральных оплеух.

– Не ссы, мо-молодой, руки еще об тебя-бя па-пачкать! – прошипел прапор и первым скрылся в каптерке.

Петя Петров посмотрел на нас грустными глазами, а потом почему-то сказал в мой адрес:

– Эх, Одуванчиков, молодой, *залетчиком* становишься?

– Иди, гуляй по вечной мерзлоте! – зло ответил я, понимая, что за эту фразу мне в скором времени пересчитают все

мои тощие ребра.

Я так и не понял, что мой командир отделения хотел этим сказать, да он и сам верно этого не понял. Он хотел извергнуть крылатую фразу, но получилась бессмыслица. Как только Петя попал в ВДВ, странный...

– Разрешите ворваться? – почти смело спросил Лёня.

– Рискни геморроем, солдат! – прогремел старшина роты из глубины каптерки.

Мы оба вошли и молча встали у фанерной стенки, окрашенной в противный грязно-салатовый цвет. Над нашими головами висели портреты Брюса Ли, вырезанные из иностранного журнала явно тупыми ножницами и приклеенными на канцелярский клей. Тот самый клей, что используют школьники первого класса на уроках труда. Брюс Ли с улыбкой дракона выражал своим взглядом неотвратимость физической расправы над каждым, кто не по доброй воле входил в этот «пыточный кабинет», логово Гориллы. Наш старшина, видимо, взял образ великого каратиста в своего духовного помощника и кумира. Это были лишь мои ничтожные и субъективные предположения...

Гвардейский стар-прапорщик по обыкновению уже прибывал в поту и мыле. Он пытался нокаутировать длинную черную кожаную каланчу, наполненную местным песком. Каланча уже давно не дышала, на ней не было живого места. Мне было жалко ее. За два или три года нахождения в этой каптерке, от бедной груши-каланчи, мало что осталось.

Горилла бил ее яростно, охаживая кулаками, локтями и коленками. Создавалось впечатление, что это была вовсе и не боксерская груша, а тело самого ненавистного врага.

Мы продолжали смотреть на этот маскарад еще минут пять. В кубрике невыносимо пахло «обезьяньим» потом. Я внимательно следил за отточенными кулаками и ребрами ладоней нашего старшины.

И вдруг меня осенила мысль и догадка. Солдаты и сержанты на втором году службы в Афгане становятся философами и «Диогенами», они спят и видят тот момент, когда уже их отпустят домой, они понимают, что их выжали, словно апельсины, не дав ничего взамен, кроме двух полосатых тельников и старого десантного берета. Прапорщики, наоборот, привыкают получать очень хорошие деньги за свою, по сути, халявную должность и с азартом смакуют крайние месяцы боевого двухгодичного контракта, втихую подумывая и наслаждаясь, словно он на молодой бабе: «Черт побери, а не остаться ли мне здесь еще на пару годков? Четыре года в Афгане, это ж почти маршал! Выслуга год за три! Где еще в Союзе смогу я такие шикарные бабосы заколачивать?..» Вот и метелит такой прапорщик боксерскую грушу, думая, что его сила и ловкость вечна и непогрешима. Что вся дивизия, да что там, дивизия, вся 40-я Армия с восхищением смотрит на удачливого, покрытого панцирем мускулов великого полководца «слонов», «черпаков» и еле ходящих «дедов»...

Лёня чихнул и поморщился. И вот я автоматически от-

крыл рот, из которого вылетела глупая, но вполне крылатая фраза:

– А если зубами, товарищ гвардии старшина?..

Прапорщик опустил руки. Глаза его сверкнули адским огнем. Каптерка наполнилась мертвенной тишиной. Словно через пару секунд должна последовать расправа над местными жителями со стороны волка-оборотня, представшего перед ними в виде вспотевшего боксера, мастера восточных единоборств. В углу заерзал каптерщик, тот самый «дед», похожий на коренастого чебурашку и цыганенка, одновременно.

– Товарищ старшина, разрешите я этого борзого Одуванчика урою прямо здесь?! В хате? Чтобы вам руки об него не пачкать? – неожиданно и злобно прошептал солдат-вещевик.

Вдруг я сообразил, что этот «дед» не просто «домовая крыса», стерегущая шмотки прапорщика и всей нашей роты, он еще и личный телохранитель Гаврюшова, ведь не зря при его появлении даже Миша Калабухов, обычно разговорчивый, как-то умолкал. Все как на зоне.

Но я, как обычно, молчать не стал и громко провозгласил:

– О! Кладовая крыса проснулась? Извините, что помешали вам почивать на сундуках с добром! А почему ты, комсомолец, спишь в каптерке, а не в расположении своей роты? Твоя койка пустует! А, у тебя две кровати, ха! Нормально устроился? Поговорим об этом на комсомольском собрании... – едва сдерживая свой гнев, проговорил я.

– Ладно, Саня, у каптерщика тоже по молодухе боевые выходы были, контуженый он слегка... – прошептал Лёня.

– *Чета* я не заметил, Лёня!? А *ча*, у нас у кого-то нет боевых *чоли*? – ответил я негромко.

– Убью! Молодой, сука! – прошипел каптерщик и вскочил с сундука-лежака.

– Молчать всем! По-пошел спать в ку-кубрик, ря-рядовой! – заорал старшина на своего помощника.

Черноволосый каптерщик, накаченный словно шимпанзе, надел мягкие неуставные тапочки, купленные видимо в Кабуле, и тихо вышел.

– Настоящая шестерка, да? Вам нравятся такие солдаты? – засмеялся я в глаза старшине.

– Молчать, кот по-помойный! Удав-дав-лю! Никогда я не встречал еще таких солдат!

– Есть, – спокойно ответил я, уставившись, в мощный кадык старшины. Это означало «спокойнее, старшина, соблюдайте устав».

– Урод! – гневно проворчал прапорщик в мой адрес и резко перевел взгляд на моего друга. – Сердюк, *куды* девал бакшиши?

– Какой?.. А, бакшиши? Не могу знать, товар-прапор! – побледнел Лёня.

– Ба-ба-чата тебе дали сегодня джинсы и крос-со-совки, что не так? Люди видели, мне и «папе» доложили! Ро-роту подставляешь? Мало я тебя пи-пи-нал по молодухе? «Сло-

ном» стал, тьфу, «дедом» стал и туда же?

– Не брал я бакшишей! Не на что покупать было! – расстроенно ответил Лёня.

– Врешь, домой в декабре полетишь! Последним бортом в лютую стужу!

– Да мне по хрену! Зато шинельку получу! – гордо ответил Лёня, но подбородок не поднял.

– Молчать! «Смирно!» – об-обоим котам помойным команда! У тебя си-сигареты были?

– Были, – ответил Лёня.

– Сколько блоков?

– Один, – вяло ответил Сердюков.

– Одуван?.. – Прапорщик повернулся ко мне и уставился в мой лоб черными от злобы глазами.

– Я! Гвардии рядовой воздушно-десантных войск Александр Одуванчиков! – выкрикнул я.

– Хорош уже орать, «слон»! Сколько у Сердюка блоков было?

– Как он и доложил, один блок! – отчеканил я и выше поднял подбородок.

– Какой марки сигареты были? – прокричал мне в ухо старшина.

– Не могу знать! Не курю, они *у бумаги* были! – громко доложил я.

– В какой бумаге? Ты *ча, из-из-дюваюся*, сволочь? – прошипел старший прапорщик.

– Никак нет, в бумаге из-под офицерских га-галет! – заикнулся теперь уже и я.

– А? Ха! А где же вы, сыны, офицерские галеты взяли?.. Попался на вранье, Одув?

– Разведчики привезли нам обед, там и офицерские галеты были, – спокойно ответил я.

– Сердюк, ты где взял бл-блок сигарет?..

– Купил в военторге на свои кровные, имею право! – злобно ответил Лёня. – Фамилия моя Сердюков, блин, никакого уважения!

– Уважения тебе за-за-хо-хотелось?! Сейчас я проверю твой чемодан, и если я найду «штаны» и «кроссы», я тебе их на уши натяну! Вытаскивай свой че-че-модан и открывай! Сдам тебя и этого бо-борзого «слона» в особый отдел! Пусть они вас научат...

– Зря вы так, товарищ стар-прапорщик, видать забыли свои слова: «Тех, кто на Кунаре был того обещаю не трогать...» Или не было?.. – горько заметил Лёня.

– Молчи, солдат! Молчи! Кунар, да! Знаю, что вы там через ад прошли, но у меня приказ ротного – найти и уничтожить твои джинсы и кроссовки! Чтобы другим солдатам и сержантам неповадно было!

– Вы, видно, совсем края потеряли, товарищ прапорщик? – злобно прошипел Лёня. – И новый «папа» тоже...

Гаврюшов размахнулся и со всей дури ударил рядового ладонью по нижней челюсти. Сердюков был подготовлен к

удару, до армии занимался боксом, так что оплеуха прошла вскользь. Сердюков полетел через всю каптерку и приземлился в кучу чемоданов. Из каких-то пакетов посыпались эротические игральные карты, дембельские фото, разные мелкие сувениры из Кабула. Старшина принялся все это добро сгребать и складывать в один вещевой мешок. Лёня лежал без движения минут пять, ожидая болезненных ударов ногами по своему брэнному и уставшему телу.

К сожалению Гориллы, шмон дембельского чемодана рядового Леонида Сердюкова и чемоданов его друзей результатов не дал.

Старшина в ярости начал скидывать с полок чемоданы всех солдат и сержантов второй роты, но и в них джинсов и кроссовок не оказалось. Были проверены все углы и заначки во всех помещениях роты, штанов и кроссовок нигде не было. В три часа ночи нам было разрешено отбиться. Горилла напоследок окинул меня злобным взглядом и, заикаясь, прошипел что-то невнятное: «Мо-мо-лись чижок! За все ответишь, зачмырю...»

Спал я крепко, на моем лице блуждала улыбка сумасшедшего. Мне снова приснилась медсестра Маша из медицинского пункта Каунасского учебного батальона и снова мы играли с ней в любовь.

Под утро, меня легонько толкнул Лёнька Сердюков и тихо спросил:

– Эй, Шура, живой? Проснись на минутку!

– Чего тебе, Лёньша? – спросонья спросил я.

– Я за тебя на мусорку поехал! Нормально братан?

– Не знаю, Лёнь, – ответил я, думая, что Леонид зло шутит надо мной, как шутят «деды» над «слонами».

– Спи, Одуванчик, мне все равно уже не уснуть, поехал я! Спасибо тебе, в цирке так смешно не бывает, как в нашей каптерке во время аттракциона с Гориллой!

– Лёня, а Кунар это что?

– Это такое ущелье на границе с Пакистаном, мы же тогда вернулись с него, а ты три дня как прилетел из Союза...

– Кунар, это страшно, Лёньша?

– Страшно?.. Нет, обидно, когда у тебя еще женщины по-настоящему не было, а помирать уже пора. Какой ты еще зеленый, Одуванчик, спи...

Сегодня «День рождения ВДВ», а это не просто праздник, это проверка боевой готовности гвардейской 103-ей воздушно-десантной дивизии, парадный строевой смотр всех боевых полков и батальонов. Я стою в строю на плацу 350-го парашютно-десантного полка. Того самого полка, в ряды которого я меньше всего мечтал попасть.

Для меня, в общем-то еще довольно молодого солдата, честь и удача стоять сейчас с родным «акаэсом» на груди в рядах 742-го отдельного гвардейского десантного батальона связи. «Как говорит наш старшина: «В самой боевой второй роте радистов-переносников, где больше всего раненых и убитых, но героев Советского Союза пока не было...» Чер-

тов прапорщик, может быть, он хочет, чтобы я стал таким героем? Солнышко сегодня дуреет и жжет не на шутку, ду-маю, есть полтинник по Цельсию, автомат горячий, даже руку на него спокойно не положить.

То, что я сейчас стою в этом железном строю покорителей другой цивилизации, факт из фантастической телепередачи «Очевидное – невероятное». Академик Капица молодец, хорошо сказал: «То, что вчера было невероятным, сегодня становится очевидным...» Вот и со мной приключилась такая же финтифлюшка судьбы, фортель так сказать, зигзаг удачи. Или роковая ошибка судьбы? В десятом классе у меня резко испортилось зрение, с чем это было связано я не знаю, но оба глаза ушли в сторону от нормы на полтора диоптрия. Пришлось даже приобрести очки. Мама успокоилась, что не возьмут теперь сыночка ни в ВДВ, ни еще черт знает куда. В Афган тоже не возьмут, ведь там нужно будет стрелять и стрелять метко. Военком так прямо мне и сказал: «Поцелуй, Саня, десантуру в задницу! Очкариков в ВДВ не берут!...» И вот к моменту окончательного призыва зрение мое восстанавливается почти до идеального показателя. Единица на один глаз и ноль-восемь на второй. Я стал годен без ограничений. Ура! Сбылась мечта идиота, он попал в самый опасный и непредсказуемый род войск...»

– Товарищ солдат! Гвардеец! Эй, рядовой! Живой хоть!..

Я приоткрыл глаза, которые жмурил от солнца и увидел перед собой командира дивизии Грачева, трех полных гене-

ралов в фуражках с красными околышами и нашего комбата Лебедева. Странное состояние, выходит, что я сейчас спал по стойке «смирно»? Мозг спал, а само тело стояло по стойке «смирно», словно пружина! Я робот?..

– Я! Гвардии рядовой Александр Одуванчиков! Вторая гвардейская рота радистов-переносников! Отдельного батальона связи... – громко гаркнул я.

– Вольно, рядовой! – рассмеялся высокий генерал-полковник с гвардией на груди. – Скажи-ка мне, братец, как на духу, как лично тебе служиться? Не обижают ли тебя сослуживцы? Есть ли какие тревоги? Дают ли отдыхать? Как кормят?

– Все по уставу, товарищ гвардии генерал-лейтенант! Кормят вкусно и даже очень! Особенно манная каша на сгущенном молоке, а еще кофе с концентрированным молоком! Вкусно! Знаю, что у пехоты паек послабее будет, так что грех на что-то жаловаться!

– Ну, а служба? Тяжело на жаре, в горах? – хитро продолжил генерал.

– Я в ВДВ и если будет тяжело, справлюсь! Также, как и все мои товарищи по дивизии...

– Ха! А хорошо сказал, давно в Афганистане?

– Ни как нет, всего три месяца! – отчеканил я, и, увидев улыбки Грачева и Лебедева, продолжил свой оптимистический рассказ.

– На боевых уже были? – спросил другой генерал неболь-

шого роста.

– Был, пока по мелочи! На Панджшере и в окрестностях Кабула...

– Не струсил, боец?

– Ни как нет! Нет...

– Где учебку заканчивали? – с каким-то удовольствием спросил генерал.

– В Литовской ССР, в городе Каунасе! Отдельный парашютно-десантный учебный батальон связи!

– Что же до сих пор не сержант? – засмеялся маленький генерал.

– Не могу знать! – заорал я словно подорванный.

– Добро, боец Александр Одуванчиков! Пошли дальше, комдив! Ну и солдаты у вас, подполковник Лебедев. Честно говоря, я приятно удивлен... С такими молодцами отстоим Афганистан и разобьем все бандформирования к чертям! Как считаешь, Грачев?

– Так точно, должны разбить... Что же нам еще остается?..

– Ты нос то не вешай, Паша, я в Москве так и доложу: «Десантников менять нельзя! Потеряем Кабул и весь Афганистан без десантуры»! Ну, а теперь, в баню хочу! Солдат по казармам и отдыхать! Смотри, жара-то какая?

– Есть! Дивизия, смирно! Командирам полков и батальонов развести личный состав к местам постоянной дислокации! Сдать оружие и отдыхать! Командуйте...

В этот же вечер командир роты – «папа» – приказал стар-

шему прапорщику Гаврюшову весь «неуставной сифилис», найденный в чемоданах и дипломатах «дедов» и «черпаков», сжечь в окопе, а обгоревшее дерьмо выкинуть в прицеп для мусора. Горилла выполнил приказ с особым старанием и без лишних эмоций. От «дедов» на «казни дембельской мечты» присутствовали трое сержантов и грустно смотрели, как в огне горят их плавки, открытки, карты с голыми дамами, пластиковые часы, фотографии с боевых, недоделанные погоны и аксельбанты. Все превратилось в пепел, теперь ни чеков, ни сувениров из древнего Афгана. В полночь медленно и молча все разошлись.

Миша заметил Лёне и конечно мне, что, мол, это из-за нас все так получилось, что именно мы в этом одни виноваты. Не знали наивные «дедушки», что «папа» давно планировал провести зачистку дембельских чемоданов, а тут появился такой удобный случай – выставить врагами роты двух солдат и снять с себя часть солдатской и сержантской злобы.

Кунарская операция 1985 года умыла наших солдат и офицеров собственной кровью. Душманы вгрызались в родную землю и не желали уходить с нее, даже мертвые они вставали и шли в атаку на шурави. А советские самолеты и вертушки крушили горы и долины смертоносным огнем, навсегда изменяя древний ландшафт. Свои семьи и домашний скот повстанцы эвакуировали за два месяца до начала операции. Они воевали с нашими солдатами, как партизаны воюют с захватчиками. Наши солдаты и офицеры рвали себя на

куски при помощи гранат Ф-1. Только с вертолетов на хребты и вершины было высажено более одиннадцати тысяч десантников. Именно на Кунаре война обрела зловещий оскал взаимного и беспощадного уничтожения...

Если бы я знал, что такое «строить социализм в Афгане», смог ли я тогда решиться полететь сюда?.. Подставить свою жизнь и жизнь отца и мамы смертельному испытанию. Я так люблю жизнь, я не мечтал убивать и быть убитым, я просто летел помочь беднякам и детям, но введение в заблуждение собственных солдат и офицеров было образом мыслей и действий высшего руководства моей страны...

Совершенно секретно: июль-август 1985 год

Из дипломатической переписки Маргарет Тэтчер к президенту США Рональду Рейгану:

«Этот молодой и симпатичный Михаил, открытый и умный человек. Он приветливый, у него есть шарм и чувство русского юмора. Я нахожу его человеком, с которым можно будет поддерживать, и укреплять деловые отношения. Я понравилась ему, он флиртует со мной!? Кстати, в отсутствие своей супруги Раисы. Он ее любит, но ведет себя странно. Всегда хочет понравиться мне и другим людям из нашей разведки. Это может говорить о его весьма мягком характере. Думаю, Михаил Горбачев именно тот человек, который, наконец-то, выведет своих солдат из свободного Афганистана.

С другой стороны, Горбачев совершенно не готов к серьез-

ным политическим вопросам, который он получил от меня по поводу соблюдения прав человека в Советском Союзе. И еще очень важное, для вас, Рональд! Британская разведка была приятно удивлена аппетитами его жены Раисы. Во время прогулки по Лондону она отправилась в один из магазинов *Marrin and Webb*, где купила себе на государственные деньги золотые украшения с бриллиантами, сапфирами и изумрудами. Я думаю, это конец социализма в СССР. Я надавлю на Горбачева по Афганской проблеме, ну а вы по Восточной Европе...»

Глава III. Старик Самандар и Ахмед

В центре Кабула. Дедушка Самандар с раннего утра мыл свою молодую белоснежную кобылицу и о чем-то горевал. Две недели назад она понесла жеребенка от прекрасного и самого сильного коня во всем Кабуле – черного мустанга – принадлежавшего знатному горожанину Ахмеду. Старик не знал, как расплатиться с ним за такой щедрый подарок, но три дня назад Ахмед приходил и неожиданно захотел увидеть внучку Самандара – девушку и студентку Малалу. Она была редкая красавица, но Самандар знал, что у нее уже есть жених. Требование сорокалетнего Ахмеда, у которого уже было три жены, повергло пожилого афганца в шок. Он понял, что, если он не спрячет девушку, ее ждет беда. Дедушка объяснил, что его внучка в тот день была в Кабульском университете, посещала подготовительные курсы.

Ахмед был связан с душманами и знал самого Гульбеддина Хекматияра, ночного владельца провинции Кабул. А сегодня днем Ахмед должен был прийти снова. В голове Самандара роились нехорошие мысли о том, сможет ли он с оружием в руках защитить себя, свой дом и своего внука Бахтияра от моджахедов Ахмеда или других жестоких людей. Сын Самандара, отец Бахтияра – Гатол, служил в государственной контрразведке, но даже они, смелые офицеры ХАДа не хотели связываться с людьми Хекматияра, опасаясь за жиз-

ни своих семей. Такова была ситуация и ее никто не в силах был изменить.

Над Кабулом вставало жаркое солнце, а белая кобылица с черной мордой ласкалась как кошка и с любовью смотрела в глаза своему хозяину. Самандар любил эту молодую лошадь очень сильно, пожалуй, сильнее, чем собственную жизнь. Через несколько часов Ахмед придет в его сад, Самандар уже чувствовал его дыхание.

Вот и Бахтияр спустился из своей комнаты на втором этаже в сад. Они с дедушкой стали завтракать. Иногда дедушка просил знакомую неразговорчивую женщину, и она готовила блюда для них. Сегодня на завтрак у Бахтияра был молочный пудинг с фисташками и другими орешками, и разные фрукты на блюде. В основном это были плоды их сада. Дедушка неспешно отрывал кусочки лепешки – наан и молча отправлял их в рот.

– Хочешь дыню, мой дорогой внук? – мягко спросил Самандар.

– Потом, дорогой дедушка! О, как я сыт. Я побегу играть со своим другом Халиком, сегодня мы хотим пойти к старой крепости, я хочу посмотреть на боевые машины воздушного десанта, – хитро заметил Бахтияр.

– Не подходи близко к постам шурави, ты понял меня?

– Я хочу добыть *бериет десантэ хаваи*! – крикнул Бахтияр и театрально поднял руки вверх, явна дразня своего деда.

– Непослушный Бахтияр, я запру тебя в чулане с кобыли-

цей! Или с ослом моего соседа! – заворчал на него дед.

– Я пошутил, обещаю тебе! – крикнул внук и, поцеловав деда в заросшую щеку, побежал, изображая Чарли Чаплина, исчез за калиткой сада, на улице.

– Научил тебя на свою голову! Маленький глупый шут...

«Нужно проследить за Бахтияром, куда они бегают с Халиком. Эх, счастливые они, но время, в котором они играют и живут, страшное... Аллах всемогущий, когда же закончится непонятная и ненужная мусульманам война? Может быть и мне с Бахтияром покинуть Кабул?.. Улететь в Советский Союз?.. А дом, моя лошадь, кот?.. Разве я смогу жить без них?.. А кстати, где это хитрый кот, его уже нет три дня...» – размышлял старик и снова наслаждался миниатюрными японскими скульптурами нэцкэ.

Ахмед пришел в полдень, с почтением поклонился, прошел в сад, и подошел к хозяину дома.

– Здравствуй, уважаемый Самандар мир вам и милость нашего пророка!

– О! Дорогой Ахмед! Приветствую тебя! Храни тебя Аллах...

– Я присяду?.. – хитро спросил гость.

– Конечно, чай уже заварен, с травами и ягодами как ты любишь...

– Благодарю, о, а эта дыня! Наверное, очень сочная? – облизнулся Ахмед.

– Да, сейчас я нарежу ее для нас! Она из Кандагара...

– Благодарю тебя, а я принес тебе и твоим внукам гранаты и персики, вот!

Ахмед вытащил из суммы два свертка доверху наполненные спелыми фруктами. Самандар в это время разрезал дыню на множество тонких и сочных ломтей. Арабский нож он положил рядом и набросил на него махровое полотенце.

– Где же ты твои внуки?.. – спросил гость и принялся поглощать сочную дыню.

– Они в городе, уважаемый Ахмед. Давай начистоту, зачем тебе моя внучка, она еще очень мала, чтобы ты мог рассчитывать на нее в качестве жены.

– А, мой друг, хитрый и старый Самандар, девушке скоро семнадцать. Она очень мне нравится, очень...

– Мне тоже нравятся многие женщины, особенно молодые... Но я не могу позволить себе...

– Отчего же, Самандар, возможно, юная жена придаст тебе новых сил?

– Пока я оплакиваю свою жену. И много размышляю, – хитро ответил Самандар.

– Ты что-то знаешь?.. А! Значит, у Малалы есть мужчины?.. Смелая девушка! Я прав?..

– Нет, у нее нет мужчины, но она еще ребенок. Малала, как дочь для меня. Я не могу даже думать об этом. Прости, Ахмед...

– Странно, ты обижаешь меня, как же так! Ты строишь мне препятствия, старик? Мы ведь друзья?..

– Конечно, не сомневайся, но внучку я не могу тебе отдать.

– Хорошо, но твоя белая кобыла носит моего жеребенка, как же я верну часть своих денег? – напряженно спросил Ахмед.

– Дорогой, но ведь еще есть срок, почти год...

– Год пролетит, и не заметишь! Все же я сам хочу поговорить с Малалой, очень хочу...

– Она улетела! Ее уже нет в Афганистане, она даже не сказала мне куда полетит.

– Значит, у нее есть любовник?... А!.. Наверное, она улетела в СССР?... Сейчас многие молодые женщины летят в Союз в надежде спрятаться от нас у неверных. Это большой грех...

– Нет, в Союзе у нее никого нет! Ты что, Ахмед? В своем уме?

– Конечно, в своем! А ты хитришь, уважаемый Самандар...

– Я сам надеюсь, что она вскоре прилетит обратно... Слава Аллаху!

Ахмед молча продолжал есть дыню и внимательно следить за эмоциями старика. Потом он встал и пошел в дом. Словно хозяин он обошел оба этажа, заглянул во все комнаты и неспешно спустился обратно в центр сада.

– Кого ты ищешь, друг мой? – дружелюбно спросил дедушка.

– Какой шикарный этот дом! Кто тебе его построил, а, Са-

мандар? Такой дом, это почти дворец! Ты барин, старик! Наверное, у тебя много денег?

– У меня нет денег, Ахмед...

– Нет денег? Как же... Мне не совсем в это верится.

– Этот дом я получил в семьдесят пятом от государства. Ты же помнишь, я строил гидроэлектростанцию на озере Суруби. Я был главным инженером гидрологом.

– Ха, уже тогда ты активно сотрудничал с шурави, да? Ты полюбил их *социализм*!

– Я любил и люблю только родной Афганистан! Ради него я учился на инженера и работал всю жизнь на Афганской земле.

– Я знаю, они хорошо тебе платили и вот подарили тебе такой дом! Похвально, – язвительно произнес Ахмед.

– Этот так, уважаемый Ахмед...

– Я ведь тоже работал у шурави, но только простым рабочим и получал не так много, а по сути ничего. Но знаешь, уважаемый Самандар, зато я изучил характер и поведение русских. У меня есть адреса моих друзей в Ташкенте и Самарканде... Скоро может все измениться. Русские уже мало кому интересны со своим Лениным и Брежневым, совсем скоро здесь будет править доллар. Это англичане и американцы! Они понимают нас и помогают укреплять нашу веру, придуманную не нами, а нашими предками! А русские уничтожили свою веру и теперь пришли к нам, **что похоть у нас** Коран и веру в Аллаха! Ладно, если бы они были так на-

ивны и добры! Шайтан с ними! Я бы потерпел. Но они взрывают наши кишлаки и аулы! Оазисы превращают в пустыню и песок! Что они сделали в Кунарском ущелье? Ты видел?..

– Я не знаю, Ахмед... И конечно не видел...

– Тебе лучше и не знать, и не видеть этого всего! Ты бы умом тронулся, если бы это все увидел! Наши люди в ХАД вовремя предупредили нас, что русские готовят чудовищную по своим масштабам операцию в Кунаре. Мы сообщили нашим братьям, и они вывели женщин и детей из кишлаков в Пакистан, тем самым мы спасли их жизни. О господи! Аллах всемогущий... Что эти люди могут принести нам? Смерть, бомбы и снаряды? По какому праву?.. Ответь мне, мудрый Самандар!..

– Не может быть!? – Старик принялся перебирать четки и читать священное писание. – Но кто им это приказывает? Зачем они разоряют кишлаки...

– Они продались дьяволу, понимаешь? А приказывает им этот безбожник Бабрак Кармаль! Вернее, он умоляет их и направляет их дьявольскую военную мощь. Когда-нибудь я лично вздерну этого труса на крюке! Нет, я отрежу ему голову самым старым и тупым ножом и брошу ее голодным диким собакам! Как я зол! Эта злость пугает и разрушает меня изнутри! Я стал жесток, дорогой Самандар, – жалобно прошептал Ахмед. – Теперь надеюсь только на милость Аллаха!

– Тебе бы надо полечиться, поезжай в Саудовскую Аравию, у тебя же там мать и дяди?

– Пока мне не до этого! У нас скоро в Кабуле будут дела! Мы выдворим всех шурави! Кабул станет свободным от неверных! А потом мы погоним их к границам... Пусть убиваются откуда пришли.

– Аллах всесильный! Да будет так... – вознес руки к небу старик.

– А когда все это закончится!? Если русские навсегда уйдут из нашей страны? Что тогда будешь делать?.. Также плакать или улетишь к ним? В Ташкент или Самарканд, Фергану!? – прошипел Ахмед в ярости.

– Ахмед, давай пить чай, ты говоришь обидные слова. Я ведь старше тебя на двадцать лет...

– Это верно, ты уже старик... И этим ты прикрываешься! А что делать мне?.. Сидеть и смотреть в небо? Ждать милости от Аллаха?! А ты знаешь, что он мне говорит каждую ночь! Я тебе скажу! Он мне говорит, чтобы я сражался с неверными!

– Ахмед, у тебя ведь жены и дочери совсем маленькие... Кто же их станет кормить, если тебя...

– У меня есть братья, они позаботятся о моей семье. Я принял решение, и я – *моджахидын*! Или мне пресмыкаться перед оккупантами?

– Нет, пресмыкаться ни перед кем нельзя, – горько ответил старик.

– Ладно, ты понимаешь меня, значит, ты истинный мусульманин. Как же ты будешь платить?.. За рожденного же-

ребенка...

– Платить?.. Даже не знаю... – тихо сказал Самандар.

– Вот я и хотел взять твою внучку в жены, тогда тебе не надо будет платить...

– У меня есть нэцкэ, это очень дорогие вещи! Произведения искусства...

– Покажи, что это за нэцкэ? Никогда не видел... – заинтересовался Ахмед.

– Я собирал их тридцать лет! Двадцать две фигурки, они настоящие, древние, из Японии. Сейчас я принесу их. Самандар ушел в дом и вернулся через десять минут.

– Вот! Если ты согласен, Ахмед, они будут твои.

– Ого! Знатные фигурки, сколько же они могут стоить?

– Они бесценны! – прослезился старик. Было видно, что он не может расстаться с фигурками нэцкэ.

– Э-э! Не надо, уважаемый! А то я сейчас расплачусь, старик! Мне нужны деньги! Не меньше чем десять тысяч долларов. Американских долларов...

– Но у меня их нет. Нет и одной тысячи долларов.

– Я подумаю, как ты сможешь их заработать, старик. Я соседски помогу тебе.

– Как же ты мне поможешь, – сухо спросил Самандар.

– Ты выполнишь мои задания и тем самым расплатишься со мной.

– А если не смогу?..

– Тогда как сам знаешь! Или тебя убьют моджахеды, или

ты успеешь улететь в СССР, – рассмеялся Ахмед.

– Кто меня возьмет в Союз, ты шутник, Ахмед, – горько заметил Самандар. – Свой дом я тоже не могу оставить.

– Дом твой, это рай, ты прав...

– Мы не успели попить чаю?.. – тихо спросил дедушка.

– Позже, когда сделаем дело.

– Но какое дело я могу сделать?.. Я мирный старик.

– Убить неверного... Слышал меня?.. – тихо прошипел гость, оскалившись золотыми зубами.

– Невероятно!..

Ахмед громко рассмеялся и быстро покинул сад старика. Самандар собрал древние фигурки в ладони, спрятал их в льняной мешочек и прошептал: «Никому я вас не отдам, и лошадку не отдам, и жеребенка, и внуков своих не отдам. Мой сын, поможешь ли ты мне?.. Жив ли ты, мой Гатол?..»

Совершенно секретно: Вашингтон. Лэнгли. Директор ЦРУ – Уильям Кейси президенту США Рональду Рейгану.

«Одной из главных наших тайных операций должна быть надежная поддержка моджахедов в их борьбе против советского вторжения в Афганистан. Мы закупили оружие в Египте и переправляем его через Пакистан при помощи наших пакистанских друзей. Целью США по отношению к озверевшему СССР является программа экономического и морального изматывания Сороковой Армии.

Несмотря на то, что «Ограниченный контингент Советских войск» проводит все более масштабные и бесчеловеч-

ные операции по всей территории Афганистана, мусульманские партизаны полны решимости и отваги в борьбе с коммунистическими оккупантами. На сегодняшний момент их численность достигла не менее 150 тысяч хорошо обученных бойцов, а советские силы составляют не более 100 тысяч военных, многие из которых больны опасными инфекциями или имеют осколочные и пулевые ранения. Поражает тот факт, что раненных солдат командование 40-й Армии не отпускает домой, но после быстрого лечения бросает снова в бой. Складывается уверенное впечатление, что СССР не способен более вести крупномасштабные наземные операции в Афганистане. Как известно, загнанных лошадей пристреливают, что и сделают в скором времени отважные моджахеды с частями шурави. Особое сопротивление нашим братьям оказывают только десантники и разведчики.

Саудовская Аравия решила противопоставить советской аванюре свою материальную помощь, согласившись к каждому американскому доллару добавлять доллар, со своей стороны. Мы кровно заинтересованы в том, чтобы все доставляемое борцам за веру оружие было советского производства, что позволило бы нам благополучно остаться в тени, если бы Советы догадались бы об этом.

Мы выбрали дорогу через Египет по нескольким причинам. Каир с пониманием всегда подходил к борьбе своих мусульманских братьев в горах Афганистана. В Египте есть за-

пасы советского стрелкового оружия, оставшееся с шестидесятых, когда Египет имел с Брежневым военное сотрудничество. Мы уже переправили большие суммы в Каир. Египетские высшие руководители очень любят получать наши доллары. Пусть русские автоматы убивают своих же солдат и офицеров. Кроме этого по советской лицензии такое оружие производит Китай. Мы будем также закупать оружие у наших Китайских партнеров.

Мы должны помогать умеренным партизанам, ни в коем случае не считая их террористами или бандитами.

Прошу вас, господин президент, рассмотреть мое предложение о поставке небольшой партии переносных зенитных комплексов «Стингер» для того, чтобы уменьшить жертвы среди мирного населения при обстреле кишлаков с русских вертолетов. «Циклон» будет только нарастать!

Важное дополнение. В июне этого года мой агент в Пакистане встречался с интересным молодым человеком по имени Усама бен Ладен родом из Саудовской Аравии. Так вот, Усама взялся за организацию поставок этих ракет моджахедам в Афганистан. Обучение людей я беру на себя...»

Совершенно секретно: Рональд Рейган – директору ЦРУ Уильяму Кейси.

«Действуйте решительно и наращивайте помощь через Пакистан. Советы должны ответить за авантюру Андропова и его КГБ. Для всего прогрессивного мира вторжение СССР в Афганистан должно явиться самым непоправимым

злом после факта начала второй мировой войны Гитлером. Советские войска должны истечь кровью своих солдат. Подготовьте ваши соображения по переносу «священной освободительной войны мусульман» на территорию Советского Союза...»

Глава IV. Патруль по Кабулу

Кабул. Теплый стан. 20 часов. Городок 103-ей ВДД. Модуль второй десантной роты отдельного батальона связи – ОБС.

Я реально счастлив, когда вся наша рота, в буквальном смысле – «дома». Это трудно передать словами, так бывает в уютном доме, когда вечером большая семья собирается у телевизора или за чаем. Вот и сейчас все сорок человек без малого – в кубрике. Конечно, еще двое стоят сейчас в боевом охранении, но это ведь рядом, почти сразу за казармой. Еще один солдатик – писарь – в штабе дивизии и один – контуженый Остап в кочегарке. Главное, что все боевые «деды» стоят в строю. Редкое состояние роты, словно мы не в Кабуле, а уже в Витебске, завтра пойдем в увольнение, гулять по городу и есть мороженое, смотреть на красивых белорусок и хвалиться прыжками с парашютом.

После вечерней прогулки и поверки старший сержант Миша Калабухов строго подозвал меня.

– Ну что, Одуванчик?

– Я, товарищ гвардии страшный серж... по вашему приказанию при...

– Хорош прикалываться и орать, Одуванчик! Тебя же «духи» в Кабуле услышат!

– Есть! Понял... – тихо ответил я.

– Завтра я в патруль по Кабулу, со мной пойдут лучшие солдаты.

– Я знаю. Наверно я пока не достоин?..

– Не так резко, воин. Я сегодня в вашей драке с *Кинжалом* за тебя болел. Честно признаться, думал, что он тебя забьет, как овечку. Здоровый он, медведем на глазах становится. Но ты не промах, засадил ему так, меж рогов, что мама не горюй...

– Я сильно не бил, друг он мне все-таки...

– Вот я загадал, кто будет лучшим в драке, того я и возьму.

– Я понимаю!

Ча ты понимаешь, «слон»? Пойдешь завтра со мной в патруль по улицам славного города Кабула?

– О, класс, товарищ старшина! Конечно! – с восторгом ответил я.

– А если вдруг «духи» нападут? Что делать будешь?.. – жестко и тихо спросил Миша.

– Бить штыком и прикладом! Прицельно стрелять короткими очередями! Драться до конца!

– Угу, *молоток*. В шесть ноль подъем патруля...

– Спасибо! Есть! Разрешите *урить* стирать носки и спать?

– Давай, дуй! Борзый какой...

Час я крутился и ворочался в кровати, никак не мог уснуть, все это было похоже на банальный розыгрыш.

«Чтобы «слона» взяли в патруль по городу?.. Меня, залетки и неуживчивого солдата?.. Обычно в город ходят «чер-

паки» и «деды» – это привилегия для старослужащих. Молодых в город не выпускают. Может Горилла приказал разыграть меня?.. Плевать, пусть посмеются, я железный. Какая мне разница, где стоять с автоматом, в городе или на нашей колючке. Спать, спать, мой ангел...»

Два часа до этого. Каптерка прапорщика Гаврюшова. В дверь постучали, вошел старшина роты Михаил Калабухов.

– Вызывали, товар гвард... *страшный праборщик...*

– Миха, хватит уже! А то сейчас врежу по по-почкам, кровью *ссять бу-буешь!*

– Есть! Прием? – продолжал хохмить Миша.

– Кто дрался в радио классе? – гаркнул прапорщик, ломая грецкий орех ладонью об стол.

– Когда?.. Не слышал... – включил дурака старшина срочной службы.

– Ты мне Ваньку то не ва-валяй, я те не де-девочка-целочка...

– Никто, разминались молодые! Контролируемый спарринг на спор! Все под моим чутким контролем.

– Да? Ладно, открой секрет, кто же эти спарринг-а-га-торы?

– Витек Кинжибалов и Саня Одуванчик...

– Ха! Значит, этот, по-похожий на душмана наконец-то разбил рожу Одуванчикову? Хотя на поверке я этого не заметил, – рассмеялся Гаврюшов.

– Напротив, боевая ничья, но Одуванчиков бьет прицель-

но прямо в морду, норовит в самый лоб! Драться умеет. Но гуманист из него так и лезет...

– Вот ведь паразиты! Я им у-строю!

– Я же говорю, тренировка по рукопашке, все происходило под моим контролем!

– Кого берешь с собой завтра в па-патруль? – резко переключился старшина и раздавил в ладонях сразу три грецких ореха.

– Сержанта Землянухина, рядовых Кочнева, Кашина и Одуванчикова.

– Чего?.. Ка-к-кого еще Одуванчикова? Ты-ты в своем уме?

– Так точно, список уже у командира роты, он подписал и отнес комбату. Я вписал еще рядового Сердюкова, но «папа» его вычеркнул...

– Чего?.. – удивился прапорщик.

– А что вас собственно смущает, – усмехнулся Миша.

– Меня?.. Так, это, ху-ху-дожника в патруль? Его же «ду-хи», того... Спи-спи-...

– Он нормальный солдат, уже был на боевых, не подведет! С Лёнькой мост через Кабулку вдвоем держали! Да им за это медали полагаются...

– Медали?.. *Сердюку*?.. Да он за-залетчик и на заметке у особого отдела! Затаривается у «ду-духов» на Зеленом ряду! – цинично заржал Гаврюшов.

– Так мы, тогда, «деды» всей дивизии, должны быть на

заметке у контриков, так получается?.. Вам, значит, можно закупаться в Кабуле – *джонсы*, кожаные куртки, магнитофоны, водка!? А нам, значит, лупу на воротник? Наши шмотки и фотки бросили в костер, кому они мешали? На что теперь все это покупать? Не плохо быть офицером или прапорщиком, да?.. Я бы тоже так повоевал, товарищ прапорщик! А вы попробуйте как мы? Бесплатно, блин, с вертушек, мордой в песок и в бой! – смело и злобно заявил старшина Калабухов.

– Все, Миша, и-иди, смотри программу «Время», расстроил ты меня...

– Я-то пойду, а вот «деды» обижены очень, что с этим делать, не знаем!

– Ты, это, выходит, предъяву м-мне кинул?.. Старший сержант!..

– Просто мы завтра в патруль, я кое-что прикуплю себе, хочу взять свитер и джинсы. Короче, если они пропадут из каптерки, я за себя не ручаюсь... За всю роту тоже.

– Убьете меня?.. Да, ссукины дети, распустил я вас! Ты пойми, все, что я делаю, это выполняю приказы! Нашли козла, дураки...

– Хреновые приказы, очень хреновые...

– Да не-не трону я т-т-вой свитер, Калабухов! – побагровел прапорщик.

– Разрешите идти...

– Свободен! Вот достали!

Старший прапорщик Гаврюшов вдруг улетел мыслями в

инфекционный госпиталь – тот, что был расположен к югу от городка десантной дивизии.

«Иди ко мне моя любимая женщина... Медицинская сестра Зоя, ты лечила меня от малярии, подворовывала лекарства у офицеров, чтобы вылечить молодого контуженного прапорщика... Я чуть не издох, ты спасла меня. А я словно озверел после этой чертовой малярии, стал нервным и дьявольски злым. Как там молиться нашему Богу?.. Нашему?.. Ну да, кому там молился мой дед и прадед – Иисусу и Богородице, Николаю угоднику?.. Черт, я не знаю не одной молитвы! Зоя улетела в Союз, а я жду, когда мы встретимся снова с ней! Какие у нее груди мягкие, с большими ореолами, она точно беременна моим ребенком... Хочу забрать ее в Витебск или Псков, снова открывать купол парашюта в нашем голубом и холодном небе... В морозном зимнем небе!.. Как мне надоело смотреть на рожи местных аборигенов, я выгорел в Афганистане. Еще этот молодой – «клоун» Одуванчиков, смешной солдат. Его придавить одним пальцем, а он лезет в пекло, шкет. Сердюков обманул меня, заныкал джинсы, но я найду их в любом случае. Козлы, одни козлы кругом...»

Ночь. Конспиративная квартира ЦРУ в центре Кабула. В большой комнате на иранском ковре на полу сидят двое мужчин, пьют чай и разговаривают. Белый мужчина лет сорока пяти задал вопрос тихим голосом:

– Уважаемый учитель Бекмас Тиаринор, расскажите, уда-

лось ли вашим людям взять в плен Советского солдата или офицера? Вы обещали решить эту проблему уже сегодня. Это был крайний срок? Я просто напомнил, не смотрите на меня так, словно я демон...

– Господин майор, наше дело не терпит суеты. По вашему запросу работают три группы моджахедов. Пленные будут, наберитесь терпения...

– Вы должны понять, доктор Бекмас, что мне нужны живые солдаты и офицеры, а не их головы. Если вы продолжите жить в темных веках, то мы американцы не приемлем варварства и пыток. Тем более, не понимаем отрезанных голов. Передайте доктору Гульбеддину, что резня и разведка – это разные вещи... Его чрезмерная жестокость породнит ответную жестокость со стороны русских десантников, охраняющих Кабул и людей из ХАД.

– Мы прекрасно знаем об этом, не делайте из нас детей, майор!

– Поверьте мне, там есть горячие головы, за своих убитых офицеров они арестуют сотню наших сторонников! А потом и в расход...

– Придут другие, нас очень много. Даже вы не знаете, сколько нас на самом деле! Слава Аллаху во имя веков! – злорадно заметил афганец и вознес хвалу своему пророку.

– Несколько дней назад вы взорвали магазин, в котором погибла женщина с ребенком и продавец. Это как понимать?.. – оскалился американец.

– Кушайте орешки, майор! В тот дуكان зашел молодой офицер десантной дивизии... Правда, потом сразу вышел и убежал, учуял видно неладное...

– Опять вы за свое! Это террор! Нам не нужен террор, нам нужны раскаявшиеся солдаты и офицеры, которые расскажут всему миру, как их заставили прилететь в Кабул против их воли, заставили воевать против мирного населения бедного Афганистана... Что, так сложно выловить офицера?.. Ну, хорошо, хотя бы солдата?..

– Это понятно... – ответил и задумался афганец.

– Если народ Афганистана увидит, что моджахеды стали бандитами, он начнет сочувствовать шурави. Тогда русские почувствуют это и не уйдут из Афганистана! Вот чего вы добьетесь. И мы больше не станем давать вам денег... – сказал американец.

– Я не хотел вам говорить, уже утром мой человек пойдет на охоту и приведет вам солдата, сержанта или прапорщика-парашютиста. Мы знаем, на какой улице завтра встанет их грузовик... Мы попытаемся убить нескольких, а двух солдат оглушить и привезти к вам! – злобно подчеркнул левой командир.

– Нет! Не надо их убивать! Это испортит все! Вы не понимаете меня? Нужно выкрасть одного или двух солдат, когда другие солдаты из патруля уйдут со старшим группы по дуканам! Именно так пусть действует ваш человек. Только так! Ни одной царапины у солдата чтобы не было. В против-

ном случае, вы не получите от моего представителя Усамы ни единого доллара, – тихо произнес офицер ЦРУ и обхватил свою голову руками.

– О! Я все понял, господин майор, это облегчает нашу задачу! – ответил учтиво Бекмас.

– Прощайте, увидимся завтра поздно вечером в этой же комнате... – закончил беседу американский майор.

– Захватите дипломат с долларами! – захохотал душман и обнажил рот с золотыми коронками...

На Кабул, уснувший в горячей чаше среди древних гор, неожиданно пошел долгожданный тропический ливень. Арыки на полях наполнились до краев чистой дождевой водой. Лягушки вылезли из трещин в земле и принялись квакать, словно для них снова наступила весна...

Миша Калабухов не обманул, дневальный толкнул меня в половину шестого утра. Оказалось, что в патруль по Кабулу идут строго «деды» второй роты во главе с прапорщиком Дроздом – из третьей роты нашего батальона. Мы залезли в кузов ГАЗ–66 и поехали.

Загрузились мы, как положено: сухие пайки, баллон с водой на пятьдесят литров, переносная радиостанция. На каждом солдате – тяжелый броник, каска, обшитая камуфляжной тканью, по две «эфки» на брата, на ремне подсумок с четырьмя полными магазинами и штык-кинжал. К автомату пристегнут пятый магазин, тоже полный. Можно вести бой минут пятнадцать, а то и больше, наши услышат. Иногда к

нам будет подъезжать машина патруля ВАИ, так мы страхуем друг друга.

День сегодня выдался прекрасный, ночью прошел дождик и улицы промыты, поют местные птицы, может горлицы, еще павлины и петухи во дворах – чистый рай. Здорово, что я полетел в Афганистан – экзотика! Если нас не убьют, то все это просто сказка, которая будет нам сниться всю жизнь. А потом, когда мы построим здесь социализм, прилетим со своими сыновьями в гости к афганцам. Будем бродить по Зеленому ряду, слушать пение птиц, сядем в автобус и поедем в Советский район, говорят там красиво, словно в Союзе. Строили эти пятиэтажные дома интернациональные бригады еще в семидесятых: наши, болгары и восточные немцы. А теперь мы воюем, чтобы душманы все это не взорвали к чертовой бабушке. Стоп машина. Кажется, приехали. Высадились у фруктового рынка, такое обилие фруктов можно встретить только в восточных сказках про красавицу Будур и сапожника Алладина.

– Па-папатруль, к ма-ма-ши-шине, ра-равняйся, смирно! – сильно заикаясь, скомандовал Дрозд. – Так, борзые «рей-рейнджеры», патрулим сегодня по Зе-зеленому ряду. Мародерством не за-занимаемся! Даю вам час, что-нибудь приобрести в дуканах на де-де-ммбель, за-за-за деньги! Еще р-раз по-повторяю для тех, кто в уши долбится, за-за деньги! Потом пе-переезжаем дальше и так до-до-до конца квартала, в пять часов возвращаемся в ба-батальон! Вопросы, десант-

ники?..

– Никак нет, товарищ Д-дрозд! – ухмыльнулись и засмеялись над прапорщиком мои «деды».

– Смешно, бл-бляха! Ха-ха, кон-н-тузит так-так же, ху-ху... тьфу, не будете ржать! Одного оставить с-с во-водилой для охраны ма-ма-ш-шины! – еле выговорил добрый усатый прапор.

– Есть! Одуванчиков, ко мне, остаешься! Хм, нет, подожди-ка! Товарищ гвардии прапорщик, дело есть! Может пока побудете с водителем, мне бы Одуванчикова на часок, не больше, а? – попросил Миша Калабухов.

– Бакшиш с тебя, Ми-ми-ха! Хрен с вами! – с трудом проговорил прапорщик и разрешил.

– Конечно! – рассмеялся Мишка.

– Да по-пошел ты, шучу, ла-ладно идите уже, на час, не больше, не да-да-альше, чем на т-т-три-ста метров, – сказал прапор, залез в кабину газона и закурил.

– Есть, командор! – пошутил Миша.

Мы пошли в сторону торговых рядов и дуканов. Прошли три дукана, взяли немножко орешков в ладони. Торговцы дружелюбно улыбаются, но опасливо поглядывают на наши «серебряные» автоматы. «Деды» переговариваются, я слышу, что им нужны джинсы и свитера. Вспоминаю Лёню, он хитрец – уже достал себе джинсы и кроссы, но куда он их запрятал?.. Вот жук, надо будет у него узнать. Зачем «дедам» свитера, не очень понимаю. Замерзли они что ли?.. За-

ходим в очередной дуكان: торговец явно не афганец, «деды» говорят, что индус, а это то, что надо. В магазинчике разные шмотки: красивые джинсы, свитера, ткани, безделушки, чего только нет...

Неприметная старая легковушка белого цвета остановилась в пятидесяти метрах от солдатского грузового *газона*. В салоне было трое загорелых мужчин, это были афганцы – среднего возраста, черные бороды, на глазах очки от солнца, на пальцах рук – перстни, на ладонях мозоли от постоянной стрельбы из стрелкового оружия – душманы. Люди, называющие себя правоверными моджахедами и борцами за «Свободный Афганистан».

– Смотри, дорогой Абдулахад! Похоже, эти солдаты и есть наша цель! – произнес более старший из всех афганец.

– Я вижу! Трое пошли по дуканам... В кабине грузовика остались двое.

– Внимательней, Абдулахад, ушли четверо, по виду это десантники, все высокого роста и ведут себя слишком уверенно в нашем городе.

– Да, вы правы, уважаемый Ахмед, вы правы...

– Я могу застрелить тех четверых, а вы расправитесь с двумя? Можете взять их в плен вместе с автомобилем...

– Абдулахад, я дружу с твоим отцом! Он не знает, что ты колешься героином, я ему не говорил этого... Тебе ведь нужны деньги на лечение, заработаешь, отправим тебя на курорт в Пакистан. Кроме этого твой отец, уважаемый Самандар,

должен мне сумму денег за то, что мой черный жеребец сделал вашу кобылу беременной. Я попросил за это мелочь...

– Я все сделаю и отдам долг за своего отца, уважаемый Ахмед. Дайте мне дозу, и я буду готов выполнить любой приказ...

– Не торопись, будь терпелив. Сегодня ты не будешь убивать шурави. Наши друзья недовольны нашей работой, их можно понять...

– Что же им надо? – оскалился душман Абдулахад.

– Им нужен всего один солдат! Смотри, в кабине остался усатый солдат, похоже он маленький и слабый, очень сильный заика. Это бракованный товар... Он не сможет ничего рассказать, все люди подумают, что его били моджахеды вот он и заикается. Думаю, что это не офицер.

– А кто же тогда... – спросил Абдулахад.

– Скорее всего, прапорщик, такие русские нас тоже мало интересуют. Лучше взять солдата, одного из тех, что ушли патрулировать улицу Зеленый ряд.

– Надо ждать! Дайте мне шприц и дозу! Я сделаю, так как вы скажете... – нахмурился Абдулахад.

– Дозу получишь только после выполнения задания. Послушай, меня, ходят слухи, что старший сын твоего отца, твой старший брат, служит в контрразведке, в ХАД! Убивает наших братьев?.. – хитро спросил Ахмед.

– Я ничего не знаю о старшем брате! У нас разные матери. Я его уже не видел три года! Отец считает его погибшим от

рук душманов...

– Это правда?.. – снова хитро спросил Ахмед.

– Хватит меня допрашивать! Дайте дозу... – прохрипел младший сын Самандара.

– У меня нет героина и денег нет, чтобы купить его для тебя! Возьми насвай, это немного успокоит тебя. Будем ждать, пока русские солдаты не вернутся к автомобилю.

Прошел час...

– Ахмед! Они уезжают? – заметил Абдулахад и оживился.

– Езжай за ними! Только тише... – приказал Ахмед молчаливому водителю.

– Остановились. Сейчас все уйдут. Прапорщик тоже пойдет по дуканам, за водкой. Приготовься, – прошептал Ахмед.

– Шурави сели обедать, – проговорил молодой душман. – Могу всех разом! Завалить...

– Нет! Ждем, пока все уйдут...

– Поели, проклятые шурави! – прошипел Абдулахад.

– Все, сейчас пойдешь, остался один солдат, похоже, совсем молодой. Он нужен живым! Действуй, моджахед!.. – скомандовал Ахмед.

Абдулахад вышел из автомобиля и не спеша направился к русскому солдату. Движения его были осторожны и легки, насвай успокоил нервы и мышечную дрожь. Душман заметил, что в кабине крепко спал солдат – водитель. Обойдя грузовик сзади, он приподнял тент кузова и заметил среди разного солдатского хлама новенькую переносную радио-

станцию. «Ничего, шурави, ты сам возьмешь ее и пойдешь за мной, как послушная овечка... Где бы достать дозу?..» — представил себе картину Абдулахад и скрючился от пагубного желания. Еще несколько минут он не решался подойти к солдату. Налетел ветер, люди стали покидать улицу, прячась в дуканах и в домах. Абдулахад заметил вдалеке оставленный кем-то ржавый велосипед и решил взять его на время. С велосипедом как-то легче завести разговор даже с неверным.

Странное умиротворенное состояние охватило Абдулахада, когда он приблизился к шурави. Перед ним стоял совсем юный русский солдат, под ХБ просматривался сине-белый полосатый треугольник тельняшки воздушного десанта. Абдулахад, сам не понимая почему, с внутренним трепетом относился к десантникам, а тут совершенно молодой парень, почти мальчик, как и его племянник Бахтияр.

Солдат стоял, прищуря глаза от яркого солнца и налетевшего пыльного ветра. Мгновенный удар кривым и острым, словно бритва, ножом по горлу решил бы все за долю секунды. Молодой моджахед стоял и не шевелился, он был словно зачарован правильными чертами лица русского голубоглазого юноши. Абдулахада пробила нервная дрожь по всему телу, он смотрел на дремлющего светловолосого ангела, спустившегося на землю Кабула в образе неверного захватчика. Моджахед раскрыл глаза и не мог пошевелиться, его руки стали двигать руль велосипеда вперед. Переднее колесо уперлось в ногу солдата и стало нервно биться в высокий

ботинок. Моджахед онемел и не мог произнести ни слова. Вдруг солдат проснулся и резко открыл глаза. На его лице возникла гримаса отчаянья и внутреннего ужаса. Он не заметил врага и был практически беспомощен. К удивлению Абдулахада, уже через три секунды парень пришел в себя и сосредоточился, теперь глаза его источали гнев и уверенность. Моджахед отпрянул и хитро улыбнулся, ему захотелось поговорить с этим «ангелом».

– Здравствуй, шурави! Проснулся, хорошо?.. Не спи *брать*, душман придет, живот резать будет! Мамка плакать будет! Ты гость в моем Кабуле, на моей улице, я ведь родился здесь!..

Солдат отпрянул на метр назад и панически вскрикнул.

– *Буру бача! Дриш, душман*, стрелять буду! Сволочь, *ча те* надо, урод? Мордой в землю захотел?..

– Аллах с тобой!

Моджахед в испуге также отпрянул назад. Он не ожидал, что солдат с такой злобой ответит ему.

– *Ча*, «дух»! Испугался?.. Пристрелю! *Контрол*, понял, *фамиди*? – Неистовый страх не отпускал шурави.

– Э-э! *Сольдат, гондури-ас!* – выругался человек. – *Шурави русс*, сейчас я тебе буду *резать, твой голова и жи-вот!* Беги с моей *улица!* Спасай свою *щ-щкуру!*

Афганец разорвал на себе рубаху. На его груди обнажилась огромная наколка – круглый герб с восточной вязью внутри круга – сабли.

– Пошел *отседова*! Считаю до трех! Потом стреляю! *Контроль*, «дух»! – яростно рявкнул солдат и приготовился открыть огонь.

– Хе, да я душман, – продолжал кричать Абдулахад на ломаном русском. – Резать и убивать шурави – моя работа! Мне за это *платить* хорошие *дол-ляры*! Мой *командыр Хикматиярь*! Ты будешь подвергнут казни, молись своим богам!

В следующую секунду он уперся своим тощим животом в ствол русского автомата и закричал:

– Солдат, стреляй, делай свою работу! Хе-хе-хе! Или страшно стрелять, шурави? Ты не убивал раньше, ребенок, да? – моджахед истерически засмеялся, выпучив покрасневшие глаза.

– Достал, гад! Получай, «дух».

Шурави рванул автомат назад, скинул его с плеча и с ненавистью ударил железным прикладом по рулевой стойке велосипеда и еще раз по переднему колесу. Душман выпустил руль из рук, ударился челюстями об него и повалился на мокрый асфальт. По улице уже хлестал откуда-то налетевший холодный дождь. Человек корчился на асфальте в невероятных судорогах, то рыдал, то хохотал словно бес. Из его рта сочилась темная кровь и капала на мокрый асфальт. Рядом с ним валялся помятый старый велосипед советского производства из семидесятых.

– Злой, смелый *дэсант*! – прохрипел афганец и стал подниматься с колен.

– Вставай и дуй отсюда, а то сейчас по роже огрею прикладом! Наркоман!

– Убей меня, рус-ский, добей душмана! Хе, может медаль тебе повесят на грудь! Что ты медлишь, а? Ударь в затылок ножом, хе-хе! Ты же пришел убивать нас? Дехкан и ханум! Детей и стариков тоже! Всех нас!.. – заревел афганец.

– Нет, я пришел помочь строить социализм в твоей бедной стране!

– Какая разница тебе, тебя ведь тоже убьют как щенка! Душманы жестокие, не такие, как я! Мне конец, я конченный человек. Ни один десантник не вернется живым из Кабула! Так сказал наш учитель – доктор *Хикматьяр*...

– Я безоружных людей не бью! Беги, пока не вернулись мои друзья! – уже спокойней ответил молодой десантник.

– Хе, хе! Я уже уйду! Но скоро я вернусь и не один! Я должен был взять тебя в плен! Ты неверный! Но вижу тебя не взять!?

– Не взять, душман!.. Нас не взять!

Ахмед сплюнул и приказал водителю уезжать, ему стало ясно, что операция по пленению русского солдата потерпела крах. Он не мог поверить своим глазам, что проверенный в диверсиях и убийствах Абдулахад дал полную осечку.

– Ты даже не крестоносец, ты никто! – продолжал кричать молодой моджахед! – Ты не способен убить врага! Осел, ишак...

– Ты мне не враг! Ты не такой душман... Ты болен!..

– *Коммун-нисть* проклятый! Ты совершил огромную ошибку, что прилетел сюда с оружием!

Душман с трудом подобрал под себя колени, оперся об искореженный металл велосипеда и встал. Глаза его излучали невероятную пустоту. Солдат смотрел в красно-желтые глаза врага.

– Уходи, душман, уходи! Я тоже не железный и моему терпению приходит конец, канай! Я не неверный, я верю!

– В кого веришь?.. Что ты мне лепишь, *рюс-ский*? Хе-хе! Может твой бог *Иса*?.. А-а, хитрый *урусс*? В него веришь?..

Душман собрал все свои силы, закинул на плечи велосипед и побежал, не оборачиваясь, прочь, сверкая голыми пятками. На мокром асфальте остались его кожаные тапки песочного цвета.

Дождь и ветер внезапно прекратились. Появился патруль во главе с прапорщиком. Вид у десантников был довольный, солдаты шутили и смеялись.

– Одуванчик, эй, д-д-руг как тут у-у тебя! – громко крикнул прапор издалека.

– Отлично, товарищ гвардии прапорщик, более или менее, – грустно ответил я.

– Что про-о-мок, что ли? – напрягся Дрозд.

– Да ну, что из этого, дело в другом. Приходил афганец, душман, в натуре, обещал вернуться и зарезать, сволочь. Испортил мне настроение, вот, тапки потерял... – сказал я, показывая на мокрые тапки.

– Он один был? – испуганно спросил Дрозд.

– Точно так, один! Наркоман...

– Т-тык за-за ч-что? О, кла-классные, Па-па-кистанские, натуральная воловья кожа. – Прапорщик поднял тапочки и сунул их в припрятанный на такой случай пакет.

– За то, что мы, то есть я «неверный» и должен быть казнен моджахедами!.. Товарищ прапорщик, а кто такой Иса?..

– Ё-мае! А, кто?.. Не, не знаю Ису... Ладно, уезжаем, встанем в другом месте, а через пару часов уедем в батальон. Патруль, в машину! Старшина Калабухов, проверь оружие, все ли на месте и мне до-доложи! Радиостанцию проверь, и чтобы мин в кузове не было!

– Ага, есть!

Калабухов и Землянухин тщательно проверили кузов, подозрительных предметов не было, и наша амуниция и рация были на месте.

– Все оружие на месте, можно ехать, товарищ генерал-лейтенант, ха-ха! – шутя, мгновенно доложил «Калабаха». Солдаты запрыгнули в кузов.

– Включи р-р-станцию и доложи в ш-штаб дивизии, что мы срочно возвращаемся в расположение своего ба-ба-тальона! Скажи так: «Духи» совершили нападение»... все живы» – доложи! – нервно приказал Дрозд.

– Есть! – ответил Миша и включил станцию в режим переговоров в закрытом и секретном диапазоне частот.

– Водила, т-т-вою, а ты где был, когда молодой с-с «ду-

хом» разбирался, а?.. – прапорщик залез в кабину, обнаружив там сонного и размякшего водителя, сунул ему два удара кулаком по ребрам.

– *Шо* деретесь-то, товарищ прапор... с каким еще «духом»?.. «Духов» я не видел!.. Врет молодой, небось? – сонно ответил водитель.

– Ясно, со-солярик, все проспал, «ха-харю мочил», пока ду-ду-душман около машины ходил и угрожал моему часовому! Скотина, а если бы его за-замочили, а потом и тебя с машиной в плен? Я что, приказывал, спать?.. Я тебя *щас* не то, что драться, я тебя как ту-тузик жучку порву! Смотри, тапки душманские! Видишь?..

– Вижу... – испугано ответил солдат-водитель и опустил взгляд.

– Дурак, бляха, ты где служишь, в десантной дивизии? Хрен с тобой, доложу комбату, пусть решает с тобой. В Фай-файзабад на ху-ху.. бы тебя! – гневно проворчал Дрозд. – Поехали, уже, что zenки выпу-пу-чил! На до-дорогу смотри, боров! Гони обратно в ба-батальон!..

Мы приготовили автоматы к бою, ехали быстро и без происшествий добрались до «дома».

Глава V. Ночь в городе

Темная мокрая ночь спустилась над Кабулом.

Гонимый мраком и страданием от неполученной дозы героина, промокший до нитки Абдулахад, в сопровождении Ахмеда, ввалился в конспиративную квартиру и упал на коврик прямо в прихожей. В большой комнате уже находились несколько мужчин. Они пили чай, вкушали плов с мясом ягненка и фруктами, сушеные финики и инжир. Вся еда бралась руками, лишь американец иногда помогал себе небольшой деревянной лопаткой, загоняя плов в свернутую маленькую лепешку.

Он вытер руки бумажной салфеткой и, не скрывая раздражения, спросил:

– Уважаемый учитель Бекмас, расскажите, удалось ли вашим людям взять в плен Советского солдата или офицера сегодня? На улице уже ночь! И похоже кто-то ворочается в прихожей? Неужели приехали? Я буду удивлен, если увижу сейчас русского солдата...

– Я посмотрю! – ответил Бекмас и прошел в темную прихожую. Там он увидел сидящего в углу Ахмеда и лежащего в обмороке Абдулахада. Ахмед только что уколол наркомана, дав ему дозу.

– Зайдите в комнату, Ахмед, вместе с этим телом, если оно еще в состоянии... – с презрением произнес Бекмас и

вернулся в зал.

– И что же вам помешало?.. Ха! – усмехнулся американец, видя одного вошедшего, сумрачного Бекмаса, и отпил чай из пиалы.

– Они расскажут все как было. Мне самому любопытно... Эй, проходите в комнату!

– И конечно ваши люди сегодня остались с носом? С меня довольно, – разозлился майор ЦРУ.

– Давайте послушаем людей, они пришли с задания... – осторожно предложил Бекмас.

– Где же твой пленный, моджахед Текмер? – спросил американец пришедшего в себя Абдулахада.

– Я убил его! Убил! – восторженно сказал афганец и поднял кулак вверх и сразу резко опустил вниз. – Ножом в затылок! Прошу, дайте мне чаю, уважаемый учитель. Я промок и замерз...

– Присаживайтесь, и расскажите в подробностях. – Майор ЦРУ пододвинул гостю пиалу с чаем и блюдо с фруктами.

– Солдат тот был десантник! – продолжил афганец, отпивая глоток горячего чая. – Он направил в мой живот свой автомат! Я сказал ему, чтобы он стрелял прямо в мое сердце!

– А он, что же?.. – Поднял брови майор ЦРУ.

– Он замотал головой, словно баран! Хе, потом побежал от меня как заяц, пока не запнулся о камень. Шурави потерял автомат, перевернулся, лег на спину и начал кричать и молить о помощи. Отползал от меня на спине, мне было

очень смешно! На весь Кабул стал голосить, словно рожаящая женщина! Кричал, как верблюд! Хе, трусливый шурави... – усмехнулся афганец и начал жевать сушеные фрукты.

– Он просил о помощи? – с недоверием спросил американец. – Странно, но в патруль по городу обычно назначаются подготовленные солдаты и сержанты. Воздушный десант, это не трусливые солдаты. Я не могу поверить вашим словам?

– Он кричал может быть от боли?.. Я не знаю, я подбежал к нему, вырвал из ножен его же штык и перерезал ему горло. Потом бросил штык на асфальт и убежал, потеряв свои тапочки, – красноречиво закончил душман.

– Вы сказали, что воткнули штык в его затылок?.. А сейчас утверждаете, что перерезали горло солдату?.. Вы мне лжете?.. Пытаетесь выглядеть умно, но путаетесь в своем рассказе?..

– Нет! Вначале в затылок, а потом по горлу с лева на право! – закричал Абдулахад. – Кровь забрызгала весь камень, словно он был жертвенным камнем. Смерть неверным! Смерть захватчикам, да здравствует свободная молодежь Афганис...

– Плохо! Это не работа, я не доволен, – строго и разочаровано сказал американец и встал с ковра. – Спасибо за чай, господа. Теперь не вздумайте продолжать! Советский генерал Грачев поднимет ваш Кабул на дыбы за одного убитого солдата! Зачем мне убитый солдат, скажите?.. Грязь! Убийство солдата срочной службы! Невероятно! С кем я рабо-

таю!? Мне нужен был Советский человек для интервью, в котором он бы рассказал, как ему тяжело и больно быть в Афганистане. Как его заставляют убивать мирных жителей...

– Ахмед, твой подопечный не справился с заданием! Ты можешь подтвердить слова это моджахеда? – строго спросил доктор Бекмас. – Что теперь нам делать?

– Конечно, я подтверждаю слова этого человека! У меня родился план, мои люди попытаются поймать другого солдата! Есть еще мотострелковая бригада, такого солдата взять будет проще, и он пойдет на контакт с нами...

– Держите меня в курсе! Я ухажу! Пойдемте, господин Усама бен Ладен, вам тут тоже нечего уже делать, – сухо сказал майор и собрался уйти.

– Секунду, уважаемый! – сурово произнес доктор Бекмас. – Вы не должны так уйти! У нас закончились деньги, чтобы проводить наши акции против неверных! Против Шурави! Разведка каждую ночь требует средств! Держать в страхе весь Кабул! Мы и так не спим! Отряды моджахедов нужно кормить. Дайте хотя бы половину причитающихся нам средств... Ваш друг привез доллары из Пакистана, я подпишу все бумаги и отчитаюсь перед доктором Хекматияром...

– Вы в своем уме, господа? – майор ЦРУ потянулся к кобуре с кольтом.

– Не нужно этого делать, – рассмеялся душман Бекмас. – Уже через час люди Хекматияра найдут вас и отрежут вам

голову. Кроме этого мы взорвем ваше посольство в Кабуле. Вы хотите попасть на нож?.. Уверяю вас, майор, мы друзья, а друзьям нужно платить. Тем более, все деньги уже доставлены. Не будете же вы – американцы – крысятничать?..

– Хорошо! Усама, откройте дипломат и выдайте доктору Бекмасу пятьсот тысяч долларов. Ровно половину того, что вы привезли в Кабул. А вы, доктор, подпишите бумаги о получении этих денег. Остальные деньги я передам лично Хекматияру.

Когда деньги были получены, а за американцем и его спутником закрылась дверь, промокший и жалкий Абдулахад попросил у Бекмаса немного денег, которые кучкой лежали в углу комнаты. Он буквально сходил с ума от вида пачек долларов.

– Ты ничего не получишь, Текмер, – рыкнул на него полевой командир Бекмас, – может ты обманул американца, но меня ты не обманешь, подлый шакал.

– Да, я не убил сегодня шурави! Это был необычный шурави! Мягкий, светлоголовый ребенок – чистый ангел! Невинный солдат! За убийство ангела я бы горел в огне ада триста лет!.. – прошептал, а потом вскрикнул Абдулахад. – Ведь ты, Бекмас, не хочешь пойти в ад, не желаешь пачкать руки в крови тех, кто сам здесь, в этом аду не по своей воле?.. А?.. А, господин учитель?..

– Ха-ха-ха! Что я слышу, мой воин стал гуманистом! Видно наркотики сделали тебя безумцем... – рывкнул удивленно

Бекмас и рассмеялся над молодым моджахедом. – А не поздно опомнился? Когда ты впервые перерезал горло советскому старику – инженеру и ученому, – у которого даже оружия не было!.. Забыл?..

– Когда?.. Не помню?.. – испугался Абдулахад.

– Я тебе напомню!.. Три года назад, вы, трое юношей, поймали старика около Советского посольства и привели к нам. Старик тот воевал с фашистами во второй мировой войне и не пожелал сотрудничать с моджахедами! Ты проявил инициативу и зарезал деда... Теперь помнишь? – угрюмо заметил Бекмас.

Ахмед смиренно молчал, наклонив голову в пол и не пытался высказывать свою точку зрения. Он понимал всю бессмысленность происходящего в этой темной квартире.

– Я пока ничего не скажу о ваших провалах нашему правителю Гульбеддину Хекматияру, потому что я истинный мусульманин и мне вас жалко. Молчите и думайте, как исправить свои ошибки! Уходите, здесь вам оставаться нельзя... – закончил Бекмас.

– Хорошо, доктор Бекмас, мы уходим, – смиренно произнес Ахмед и подхватил ослабевшего Абдулахада под руку. Он с большим трудом довел его до своего автомобиля и уложил на задние сидения.

Ахмед подвез Абдулахада к дому его отца, открыл калитку и оттащил его под древний платан, а сам пропал в ночных закоулках Кабула.

Мысли о страшной мести роились в его голове: «Он работал несколько недель, рисковал своей жизнью, а его непосредственный начальник доктор Бекмас не выдал ему жалованья!?. Не одного доллара!.. Он ждал, по меньшей мере, сто тысяч долларов для своей боевой группы, ну хотя бы половину... Собака! Не одного! Презренный! Что происходит, неужели пошел процесс обогащения полевых командиров среднего звена? Этому нужно помешать, но как?..»

Полевой командир Бекмас вышел со своим телохранителем из квартиры, в его правой руке покоился тяжелый черный саквояж, до краев набитый поддельными долларовыми банкнотами высочайшего уровня печати. Изготовлены эти бумаги были в одной из арабских стран. Единственным отличием этих денег от настоящих, был их размер. Они были чуточку короче по длинной стороне банкноты, самую малость. Именно эти деньги изготавливались специально для финансирования полевых командиров в Афганистане. Весь тираж и лицензия на печать находились у ЦРУ.

Глава VI. Младший сын Самандара

Ранним утром, Самандар обнаружил своего блудного сына мирно спящим в саду под любимым деревом. Абдулахад дремал под платаном-чинарой и был похож на юношу. Несколько минут старик сидел рядом и радовался появлению своего блудного сына. Потом, испугавшись, что сын никак не может открыть глаза, он легонько толкнул его в плечо. Молодой афганец не реагировал, он спал очень крепко. Отец нежно погладил его по голове, а потом потер его верхнее ухо. И в этот раз Абдулахад не проснулся. Старик нашел травинку и принялся щекотать сыну под носом, наконец-то мужчина чихнул и испугано открыл глаза...

– Где я?.. В раю?.. Кто ты, старик?.. Дерево, моя чинара?.. Отец?.. Слава Аллаху! Ты жив, мой отец... – заплакал Абдулахад.

– Отдохни, мой сын, ты устал с дороги, сейчас я напою тебя целебным чаем из моих трав, они выведут из тебя токсины разложения. У тебя еще есть шанс, есть! Вчера ты сделал что-то хорошее, не знаю, что, но когда я утром делал намаз, я молился за спасение твоей души! Аллах услышал мои молитвы и привел тебя в родительский дом.

– Отец, а где моя мама?.. – спросил сын.

– Ты что, забыл, она ушла от нас два года назад. Ты ведь был на похоронах...

– Я забыл, и правда, я стал плох умом. Что же с ней произошло?..

– Случайная смерть, в Кабуле был взрыв... Ой, тяжело мне вспоминать...

– Кто взорвал, неверные, шурави? Американцы?..

– Нет, душманы взорвали бомбу, когда она выходила из мечети и направлялась на рынок... – заплакал Самандар, – не прощу никогда им!..

– Кому, отец?.. – прислушался Абдулахад.

– Не знаю, не знаю, думаю, тому, кому из полевых командиров сейчас принадлежит вся провинция Кабул, – шепотом произнес старик и вытер мокрые глаза платком. – Скоро нам всем придет конец.

– А где мои племянники Малала и Бахтияр? Они хоть живы?.. – с боязнью спросил Абдулахад.

– Наша Малала улетела на самолете! Слава Аллаху! А Бахтияр спит в своей комнате, я очень боюсь за него.

– Куда улетела?.. Ты бредишь?.. – спросил Абдулахад глядя в седую бороду отца.

– Не знаю! Вернее, точно не знаю, говорила, что в Лондон, – хитро солгал старик.

– Я поживу у тебя, отец, мне бы чая, плохо мне, это проклятая ломка...

– Сейчас я принесу чай из колючки. Тебе станет намного лучше, пока пей воду, надо пить очень много чистой воды...

– А знаешь, отец! – очень громко крикнул сын. – Я вчера

увидел живого Ангела! О! Это был молодой воинственный ангел! Он пришел в Кабул, чтобы проверить меня! Слышишь меня, отец?..

– Слышу, сын! – громко отозвался отец из дома. – Ты говорил с ним?..

– Да! Это был шурави! Это был русский ангел! Я хотел, чтобы он застрелил меня, из его автомата! Я подставил ему свой живот. Прямо под сердцем! Ему нужно было нажать только на курок! Маленький черный стальной крючок...

– А что же он! – громко крикнул отец и уже вышел из дома с большим заварным чайником в руках.

– Он не стал стрелять! Ха-ха! Он начал бить мой велосипед! Бить прикладом автомата! Смешной Ангел! Потом сказал мне, что я не настоящий душман, и приказал мне уходить! Начался дождь, крупный холодный дождь, и я убежал!

– Дождь? Ах да, вчера был очень странный, холодный дождь...

– Да, отец, я продрог и чуть не заболел.

– Откуда же он взялся? – улыбнулся отец и поставил чайник и пиалы на витой металлический столик.

– Он приехал из Союза, сказал, что хочет помогать бедному народу Афганистана строить социализм! Ха-ха! Наивный беззащитный ангел! – заревел молодой моджахед и упал в изнеможении на теплую и влажную землю под чинарой.

– Успокойся, сын, все пройдет! Я буду усердно молиться за тебя и за твоего случайно встреченного Ангела! Воистину,

это был Ангел... Слава Аллаху!.. Пей, пей наш чай...

– Спасибо, отец. Ты думаешь, что твои травы спасут меня, пропащего наркомана?

– Наркотик, это тоже трава... Пей...

Ахмед не спал всю ночь. Лишь к утру у него созрел дерзкий план мести во имя справедливости. Он сочинил и аккуратно написал записку следующего содержания:

«Видит всевышний, что все слова, написанные в этом послании, есть истина, которая случилась вчера ночью в одной квартире в центре города Кабула. Аллах свидетель тому беззаконию! Впрочем, уважаемый доктор Гульбедин Хекматияр, возможно, ваш человек уже передал вам все деньги, а это не меньше пятисот тысяч американских долларов в банкнотах по пятьдесят долларов каждая. Доктор Бекмас Тиаринор получил их лично из рук кассира Усамы, которого мы, однако, видели впервые. Именно Усама прибыл с деньгами из Пакистана. При этом присутствовал американский майор, думаю он был из ЦРУ. Мы будем очень довольны, если эти деньги, уважаемый нами учитель Бекмас направит с вашего разрешения на продолжение священной войны с неверными. Но если вы не знаете об этом, тогда знайте. Не исключено, что Бекмас проданся Кармалю и людям из контрразведки ХАД? О, горе нам! Верный вам пуштун и моджахед...»

Ахмед стоял у окна своей виллы и всматривался вдаль. На горизонте он видел двух часовых, охраняющих городок десантной дивизии. До них был примерно один километр.

Ахмед отстранился от монокля, установленного на треноге, и задумался:

«Кому поручить опасное дело по передаче этой записки людям доктора Гульбеддина Хекматияра. На прямую действовать нельзя!? Если Бекмас сдал деньги в общую казну, податель этой записки будет казнен, как жалобщик и провокатор. Этот ход неприемлем. Нужно подбросить записку в тот дуكان, где пьют чай люди доктора. Это может сделать маленький человек, мальчик-бача. Точно, у старика есть внук, нужно поговорить с ним. На этот раз все получится. Бекмас должен расплатиться за свою жадность и лицемерие. Подлый предатель!»

После дневного пекла, когда солнце понемногу покати-лось вниз, Ахмед направился в дом Самандара. Как раз нужно было проверить как там Абдулахад, не помер ли уже. Не зря ведь Ахмед привез его ночью в дом отца, он думал, что его подручному осталось недолго смотреть на белый свет. Дорога заняла чуть менее часа. Ахмед успел купить сладостей к чаю. К удивлению Ахмеда, старик встретил его радушно и сразу усадил за стол.

– О! Ахмед, ты привез ночью моего сына!? Я знаю, что это ты, я не спал и видел твой автомобиль у калитки. Благодарю тебя! От всего сердца, видит Аллах! По твоему делу пока тихо, я думаю, где мне раздобыть деньги...

– Я пришел с добром, я рад, что Абдулахаду стало лучше, пусть отдыхает у вас, вы ведь его отец...

– Мой сын настоящий герой! Он не стал убивать Ангела, но и Ангел пощадил его! Теперь у него будет очень долгая жизнь...

– Я искренне надеюсь на это... А что, Малала не приехала?..

– Нет, не приехала...

– А твой внук Бахтияр?.. Он дома?..

– Скоро должен прийти, вечереет, – спокойно ответил старик.

– У меня к нему дело. Небольшое, но мужское.

– К моему внуку?.. – нахмурился Самандар.

– Да! – ответил Ахмед и взял из тарелки спелый инжир. – Прекрасный, сочный инжир!

– Какое дело может быть у моджахеда к мальчику? Он не пойдет бросать гранату в солдата! Это невозможно, уважаемый... Лучше пойду я! Но бросать стану мимо...

– Ну что вы... Я в своем уме. Послушайте, если мальчик выполнит мое поручение, я сниму с вас все долги! Все! И забуду про Малалу! Хотя она мне и очень нравится.

– Ахмед, в Кабуле созревают тысячи прекрасных девушек, как плоды на ветвях этого инжирного дерева! Многие из них с радостью согласятся выйти за тебя. Хе, неужели тебе не хватает трех твоих жен? – рассмеялся старик и погладил свою седую бороду.

– Не знаю, может быть и хватает! Малала заставляла чаще биться мое сердце! Вам интересно узнать о задании вашему

внуку?.. Молчите?.. Хорошо, я заплачу ему пятьсот афгани!
На карманные расходы мальчику.

– Говори Ахмед, пойдем лучше в дом...

Глава VII. Вспоминая Прагу

Модуль второй роты десантников-радистов. 17 часов. Особист дивизии, капитан Соловьев, беседовал со старшим сержантом Калабуховым в своем кабинете, который как раз и располагался в этом же модуле.

– Значит, Михаил, когда вы вернулись к грузовику, того душмана и след простыл?

– Так точно! Стоял только Одуванчиков, вид у него был еще тот!

– Какой вид? Испуганный?.. – вкрадчиво спросил капитан.

– Как раз совершенно другой! Его привычный – нахальный и взъерошенный вид! Бравый, в общем! Одуванчиков, он любит внешний эффект, ему бы в артисты, а он в Афган пошел, не пойму я его. В общем, о происшествии он четко доложил прапорщику Дрозду. Я проверил кузов, осмотрели весь автомобиль, чтобы не было магнитной мины, и мы рванули домой, то есть обратно – в батальон...

– А вы бы стали стрелять, если бы душман вот также схватил ваш автомат за ствол?..

– Сложный вопрос... Дайте подумать, может и стал бы, опасная ситуация!.. Он что, выходит без нервов, этот Одуванчиков?..

– Не знаю. Ладно, вы свободны, спасибо за службу. Най-

дите этого солдата, хочу поговорить с ним...

– Есть! Служу Советскому Союзу! – громко гаркнул Миша и вышел из кабинета контрразведчика...

Обычно свободное время я проводил на гимнастическом городке около умывальника. Со мной солдаты моего призыва, мы подтягиваемся и делаем подъемы с переворотом. Пока лидирует Володя Корней, ему не привыкать, до армейки он занимался гимнастикой.

– Занимаетесь, «слонята»? Это похвально! Я удивляюсь вам, парни, хороший у вас призыв, прямо показательный. Ну-ка, дайка я!

Миша запрыгнул на турник и динамично начал накручивать подъемы с переворотом, мы насчитали тридцать пять, когда старший сержант спрыгнул и довольно улыбнулся.

– Одуванчик, а ты сколько крутишь? – спросил Миша.

– Семнадцать...

– Маловато, ладно, одевайся и бегом к особисту! Он тебя ждет. Смотри, Саня, лишнего не болтай там, усек? Ты парень разговорчивый, не подведи нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.